

Татильский
И МУЗЕЙ КРАЕВЕДЕНИЯ
П57 Библиотека

Хрон. _____

Сист. по библиотеке _____

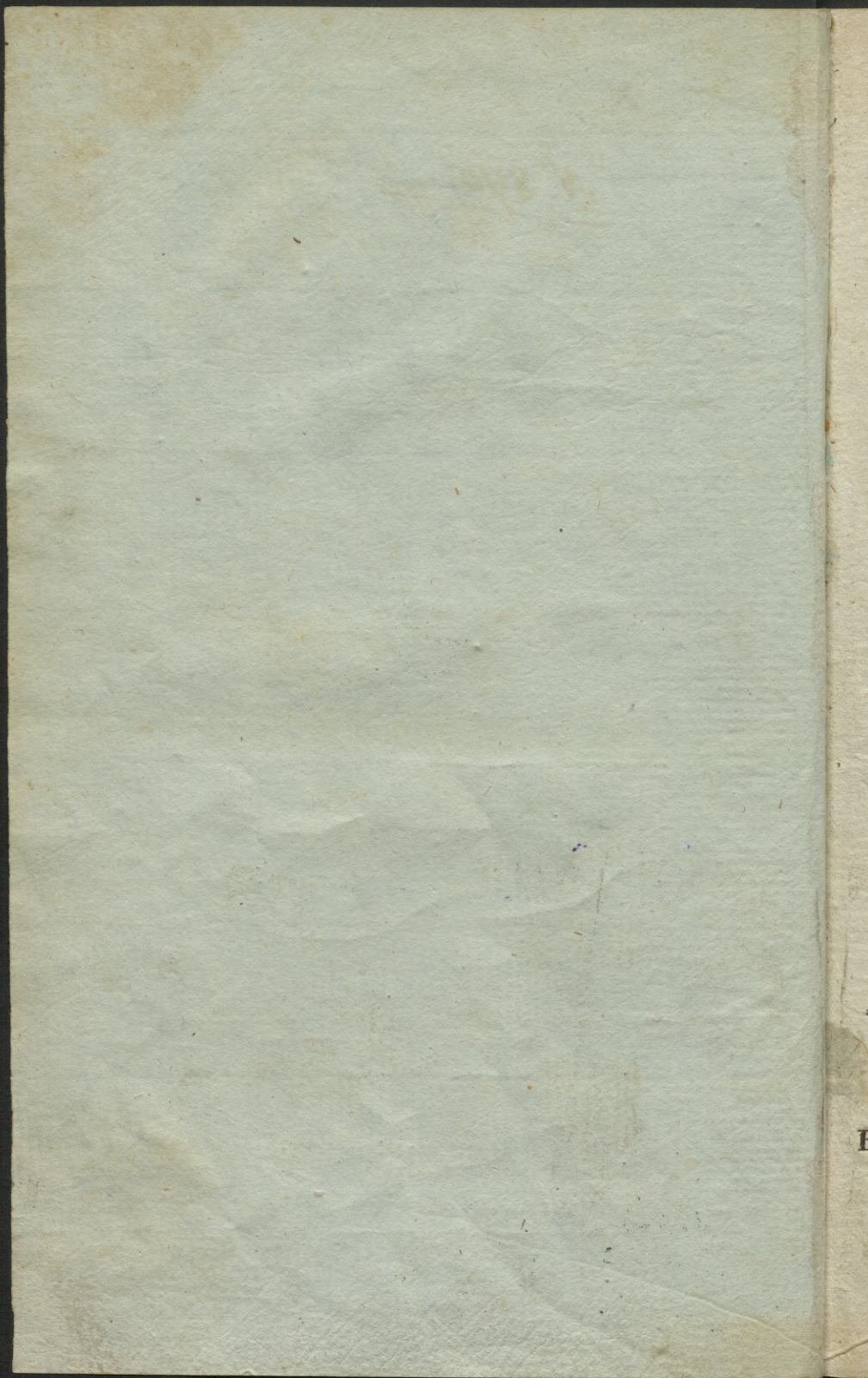
Отд. _____

№ _____

24

N. 290

N. 890.

Муз. Библиотека Вайскаго друштва
№ 2187. N. 890.

О П Ы Т Ъ
О

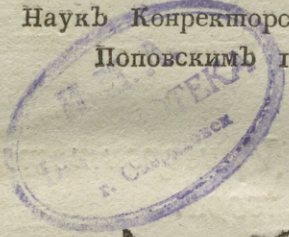
+

и
П 57

Ч Е Л О В Ъ К Ъ

Г О С П О Д И Н А П О П Е .

Переведено съ Французскаго языка Академіи
Наукъ Конректоромъ Николаемъ
Поповскимъ 1754 года.

010

РОДНО КНИЖИ

Муз. Книж. Миковичева

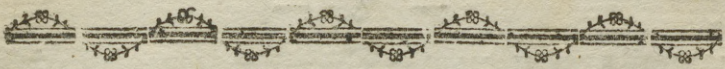
МОСКВА, 1802.

Въ Университетской Типографіи;
у Люби, Гарія и Попова.

Съ дозволенія Университетскаго
Ценсора.

9761281

Государственная библиотека
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я намѣренъ здѣсь предувѣдомить читателя вкратцѣ о двухъ вещахъ: первое, о самомъ Писаніи; второе, о переводчикѣ. Александръ Попій во всемъ ученое Свѣдѣніи почитается за несравненного Писателя и Философа. Въ обѣихъ сихъ знаніяхъ онъ имѣлъ такое превосходство, копорому всѣ разумнѣйшіе люди удивляются. О красотѣ и важности его стиховъ хотя я, какъ незнающій Англискаго языка, разсуждаю и не могу; однако свидѣтельствую шѣхъ, кои и въ Англискомъ языкѣ и въ наукахъ искусны, могу безъ всякаго сомнѣнія бысть удословленъ, что онъ и древнихъ и новѣйшихъ Писаній далеко превосходитъ всѣми шѣми, что стихамъ приписывается въ доброту. Его переводъ Гомера на Англиской языкъ считается совершеннѣйшимъ, нежели самый оригиналъ Гомеровъ. Когдажъ въ переводѣ и въ изображеніи чужихъ мыслей онъ столь высокъ, красовитъ и важенъ былъ, что знаменнѣйшимъ Писателямъ не уступаетъ: по легко заключить и твердо повѣрить можно, что въ своихъ сочиненіяхъ, въ собственныхъ

маперіяхъ и мысляхъ онъ долженъ имѣть большее преимущество. Впрочемъ, хотя бы кто стиховъ его самыхъ не читалъ, однако и въ переводѣ, по важности его разсужденій, по остротѣ и высокимъ замысламъ, узнаетъ, что онъ былъ Пиппа сильнаго и высокаго духа. Но я сію часть оспавляю. Кто хочетъ больше о томъ удостовѣриться, пусть самъ читаетъ тѣхъ, кои о Попѣ писали. Чтожъ касается до его философіи, то всякой, читаючи сей переводъ, безприспрасно засвидѣтельствуетъ, что онъ между славнѣйшими Философами по справедливости почти первое мѣсто занимаетъ; увидитъ, что Попю отверснѣ были всѣ Божескихъ и человѣческихъ вещей познанія; что онъ проникалъ остропою разума въ самыя тонкости Метафизическія, только не такъ, какъ прочіе Философы, кои о бесполезныхъ и непонятныхъ совсѣмъ вещахъ часто поднимаютъ весьма неугомонные споры. Попъ не ввязывался рѣшить и доказывать такія непоспижимости; но по только, что никакому сомнѣнію не подвержено, что знать человѣку надобно, и что къ истинному его благополучію служитъ, представлялъ и училъ удобопонятнѣйшими изображеніями. Въ первомъ письмѣ съ крайнимъ благоговѣніемъ

онъ доказываетъ Божескую премудрость, свяпость и правосудіе, и тѣмъ самымъ важно избличаетъ слѣпопу человѣческую и безумное на Бога негодование тѣхъ, кои, не довольствуюясь своимъ состояніемъ и всегда завидуя лучшему неспово, или Божеское правосудіе дерзаютъ порочить, или для своихъ недоспапковъ свѣпу несповенство приписываютъ. Сіе пустое мнѣніе опровергалъ тѣмъ, что несповожимая премудрость Божія не могла избрать неспововершеннаго міра; и что, понеже мы самую малѣйшую только часть въ свѣтѣ знаемъ, а цѣлаго его спова не понимаемъ ни мало, то не можемъ и разсуждать, что добро, что худо, и можетъ быть что нибудь худо для одного, но полезно для цѣлаго союза міра; что насплдокъ намъ, вѣдая сповость своего поніянія, не должно самимъ разсуждать опваживаясь, но полагаясь на премудрый Божескій промыслъ, который и самые нравспвенные наши недоспапки обращаетъ безъ сомнѣнія въ общую и повспемспвенную всего міра пользу. Во споромъ научаетъ насъ, не мѣшаясь въ Божеской промыслъ, разсуждать только о самихъ себѣ; и минувъ сповности Филосопскія о причинахъ согласія между дѣйспвами душевными и тѣлесными, и о безспертіи души,

чего философы еще и доселѣ не разобрали, представляется въ человѣкѣ только то, что никакому сомнѣнію не подвержено; то есть, что дѣйстви́й человѣческихъ суть два начала: разумъ и самолюбіе; что оба сіи начала сами въ себѣ никакого порока не имѣютъ, понеже и то и другое отъ самого врождено въ насъ Бога; что и то и другое, еслили правильнымъ образомъ употребляемо будетъ, служитъ къ человѣческой пользѣ; что погрѣшеніе и въ томъ и другомъ происходитъ отъ слабости человѣческой, а не отъ Бога, который и здѣсь такъ же, какъ и во всей природѣ, недоспадки и погрѣшности обращаетъ къ общей пользѣ; на послѣдокъ, что человѣкъ, какъ бы ни заблуждалъ въ разумъ, или въ волю, однако Богъ всегда благъ и премудръ остается. Въ претъемъ утверждаетъ человѣческую принадлежность къ обществу, доказывая, что одинъ никто бытъ не можетъ, что люди пребу́ютъ взаимныя помощи, что разумъ людямъ, а живописнымъ чувство со спремленіемъ премудро разпредѣлены на тою конецъ, чтобы другъ другу служили. На послѣдокъ говоритъ, что естественное состояніе, или первѣйшее сообщество между людьми не была война, но любовь и дружба. Пошомъ послѣдовало сообщество граждан-

ское отъ взаимныя нужды. Напослѣдокъ заключаетъ, что любовь къ самому себѣ и любовь къ другимъ есть та же, и раздѣлились не можеть; и чѣмъ кто искреннѣе себя самого любитъ, тѣмъ больше долженъ стараться о пользѣ и цѣлости всего общесва. Оканчиваетъ философію свою чепвертымъ письмомъ, въ кошоромъ изыскиваетъ первое и общее всего человѣческаго рода благополучіе; что Богъ, по неизмѣримой благости и любви къ намъ, долженъ необходимо учредить намъ одну дорогу къ истинному щасію; однакожъ мы о своемъ щасіи не должны разсуждать только по одному своему соспоянію, но по общему концу и пользѣ всѣхъ тварей. Мы по естесву всѣ равны, и нѣтъ достойнѣйшаго; ибо Богъ никого не любитъ больше прочихъ, слѣдовательно и щасіе должно быть всѣмъ одно и общее. Потому здравіе, красота, благородство, богатство и прочія не могутъ быть первымъ и общимъ блаженствомъ; понеже не всѣмъ онѣ достаются, и припомъ перемѣняются, а щасіе должно быть у всѣхъ и непремѣнно. До добродѣтели и доброй совѣсти достигнуть всѣмъ вообще можно: онѣ не отнимаются, и плоды ихъ всего пріятнѣе; онѣ во всѣхъ нещасіяхъ насъ утѣшаютъ и уве-

селяють, и подають по смерти надежду лучшія жизни; припомъ съ Богомъ людей соединяють, слѣдовательно добродѣтель есть первое благополучіе. Въ семъ состоить вся система нашего Философа. Всякой довольно можетъ усмотрѣть, какую честь должно опдасть Г. Попію, особливо, что по шоль шонкую, высокую и важную маперію изобразилъ яснѣйшими стихами, которую прочіе Философы и прозою описывая, едва смѣютъ надѣяться, чтобы быть въ состояніи подати о ней нѣкоторое понятіе читателю. Пріятность стихотворческую соединилъ онъ съ истинною пользою и важностію самыя здравыя Философіи, такъ, что находящся въ немъ и Платонъ и Гомеръ вмѣстѣ; и по тому не дивно, что онъ, какъ сказываютъ, почищаемъ былъ отъ самыхъ знанѣйшихъ Англинскихъ фамилій: какъ отъ Болинброкіевъ, Букингаміевъ, Хандоизіевъ, Петерборухіевъ, Бурлингтоніевъ, Кобгаміевъ, Башурсіевъ и другихъ многихъ. Но объ Авторѣ довольно. Что до меня, я переводилъ Г. Попія съ переводужъ Французскаго. Позволено, чаю, будетъ мнѣ признаться, что нѣкоторыя мѣста мнѣ были не весьма вразумительны, которыя я переводилъ на удачу; сіе происходило отъ моего ли слабаго разсужденія, или отъ шемности переводу

Французскаго, не знаю. А какъ матерія сія нѣжная, то можетъ найпись кому нибудь нѣчто и сомнительное въ разсужденіи нашей Религіи; въ чемъ однако справедливый чипапель меня извинитъ для двухъ причинъ: первое, что я не Богословъ, и по тому простибельно мнѣ будетъ, естли гдѣ не могъ усмотрѣть несходства съ нашею Религією; второе, что я не криптикомъ былъ, но переводчикомъ; слѣдовательно хотя бы и усмотрѣлъ нѣчто прошивное, однако поправлять не имѣлъ никакого права. Я только спарался, какъ можно ближе, подходить къ Французскому переводу; и такъ сомнительныя мѣста могутъ больше причтены бытъ Французскому переводчику, которому я слѣдовалъ, нежели мнѣ.

Что касается до моего перевода, будетъ ли онъ имѣть по щастіе, чтобы всѣмъ понравиться и показаться вразумительнымъ, не знаю. Съ меня довольно того, что я спарался, сколько можно, не отступить отъ Автора, и яснѣе изобразить его мысли. По крайней мѣрѣ мое намѣреніе, услужить обществу сею книжкою, не весьма, какъ кажется, бесполезною, должно освобождено бытъ отъ всякаго нареканія. Сверхъ того недавно

еще здѣсь начавшіяся науки должны во всякомъ произвестъ первѣніе, еспли что неисправно усмопришѣ. Со временемъ все будетѣ совершеннѣе. Самымъ худымъ переводомъ гораздо больше можно пользоваться, нежели ничѣмъ. Еспли кто мой переводъ исправитѣ, или снова передѣлаетѣ совершеннѣе, тому безъ всякой зависпи и съ искреннѣйшею похвалою отдамъ честь и преимущество. Но какъ иностранныхъ книгъ на Россійской языкѣ переведено еще весьма мало, то усердно желаю, чпобы любители наукъ и истинные Патріоты, въ пользу и славу Россіи, къ сему достохвальнѣйшему дѣлу щруды свои обратили.

О П Ы Т Ъ
О
Ч Е Л О В Ъ К Ъ
Г О С П О Д И Н А П О П Е .

П И С Ь М О П Е Р В О Е .

*О естество и состояніи чловѣка въ разсужденіи
вселя вселенныя.*

Доколѣ намѣ, Милордѣ, въ забвеніи семѣ быти,
И малыхъ поль вещей себя надеждой льстивъ?
Оставимъ роскоши, пиры, богатства, власти,
Тиранской гордости и ихъ безумной спраси,
Когда напура намѣ дала такъ крапкой вѣкъ,
Чтобъ только осморгнѣть могъ въ жизни чловѣкъ,
Что близко кругъ его, что съ чувствіями смежно,
Попомѣ оставишь свѣтъ, жилище ненадежно.
Разсмотримъ хоть одно позорище сіе,
Что смертный чрезъ свое являеиъ быііе.
Чудесной лабиринтѣ! но только съ той опмѣной,
Что видимъ въ ономѣ мы порядокъ совершенной;
Долина, гдѣ распушъ прекрасныя цвѣты,
И купно острые шерновые кусы;

Заказанными садъ прельщающій плодами
И мѣжъ пріятными ядъ кроющій древами,
Сіе проспанное мы поле пробѣжимъ,
Что явно въ немъ, и что закрыто, обозримъ;
Опустимся на низъ въ глубокія долины,
И въ верхъ подыдемся на горъ крутыхъ вершины,
Осмотримъ, что ползетъ спокойно въ темношъ,
И что шереяся на самой высотѣ;
Извѣдаемъ, какимъ путемъ идетъ природа,
И дерзость обличимъ безумнаго народа.
Въ началѣ упредимъ обычаи другихъ,
И не дадимъ расши вдалъ злomu корню ихъ;
Гдѣ можно, слѣпотѣ народнои посмѣемъ,
Гдѣ должно, нравы ихъ исправишь попечемъ,
И Божески судьбы пошцимся оправдать,
Чтобъ смершннй переспалъ противъ Его ропшашъ.

О Богѣ и о насъ что мы ни разсуждаемъ,
Все только изъ того, что знаемъ, заключаемъ.
Но что о сущесшвѣ мы вѣдаемъ своемъ?
То только лишь, что мы на сей землѣ живемъ.
Сіе начало есть всѣхъ нашихъ помышленій,
Сей любопытствія конецъ и разсужденій.
Хотя шѣмъ кругамъ нѣшъ предѣловъ, ни числа,
Богъ въ коихъ намъ Свои являетъ чудеса;
Но мы на сей землѣ, что намъ дана жилищемъ,
Прилѣжно своего Создателя да ищемъ.
Кшо можешъ сквозъ пройши вселенныя предѣлы,
Изчислишь множесшво несчетныхъ въ шверди шѣлъ;
Поняшь, какъ всю изъ нихъ вселенныя машину
Создатель ушвердилъ по правиламъ и чину;
Примѣшишь сихъ частей союзъ между собой,
И какъ одна изъ нихъ зависитъ отъ другой;
Другія разсмотрѣшь планешы окомъ брешнымъ,
И къ солнцамъ взоръ проспершь, верху небесъ возжен-
нымъ;

Х Коль многія тамъ сущъ и разныя свойсшва *(Зерождо)*
Но каждой изъ планешъ для славы Божесшва;
Тотъ можешъ лишь одинъ познашь, почшо такими
Изволилъ насъ Творецъ создаць, а не иными.

В Кто же?

W Это бы свѣдѣннѣ тѣсно Богу
что каждой отъ Вушка и тухъ

Но мы разумною снабдѣнные душой,
Ироникнуть можемъ ли въ союзы всѣхъ часней,
Въ ихъ связь, въ ихъ степеня, въ ихъ пользы другъ
ошъ друга,
И знаемъ ли составъ всего земнаго круга?
Малѣйшихъ мы часницъ не можемъ испытать:
То лзя ли свѣта всю громаду намъ познать?
Скажи, твоя, или Божественная сила
Великую сію цѣпь въ свѣтѣ утвердила,
Что вяжешъ межъ собой всѣ части и крѣпишъ,
И симъ согласіемъ весь кругъ земной хранишъ?

О мыслями чловѣкъ высокими надменный!
Ты хочешь понко знать причины сокровенны,
Почто ты сотворенъ такъ немощенъ, такъ малъ?
Почто тебя Творецъ безмерпнымъ не создалъ?
Но прежде мнѣ скажи: почто ты не слабѣ?
Почто твоя вѣкъ еще преходитъ не скорѣ?
У мапери своей спросися ты земли:
Почто на ней древа праву переросли?
Спроси небесъ: почто предъ спутникомъ планета
Имѣетъ болѣ великости и свѣта?

Когда Творецъ такой создать былъ долженъ свѣтѣ,
Котораго изъ всѣхъ возможныхъ лучше нѣтъ,
Кой мѣстабъ не имѣлъ ни одного пустаго,
А инакъ не былобъ союза никакова;
Гдѣ каждаябъ въ своемъ вещь степеня была,
И мѣру въ качествахъ приличную блюла:
Изъ разныхъ степеней сихъ жизни долгоденства,
Чувствъ, смысла и даровъ душевныхъ совершенства,
Не должноль одному, скажи, шакому бытъ,
Въ которомъ можно бы и смершнаго вмѣстиптъ?
И такъ весь споръ на помъ имѣетъ окончатся,
Чтобы намъ подлинно и шочно доискашся,
По справедливости ль Богъ съ нами поступилъ,
Что сей, а не другой намъ степеня учредилъ.

На пользы собственны смотрящимъ особливо
Не рѣдко кажешся намъ по несправедливо,

Что въ разсужденіи всей швари вообще
 Не токмо не вредитъ , но пользуемъ еще.
 Какъ ни трудимся мы, потъ съ кровью проливаемъ,
 Едва въ одномъ изъ всѣхъ желаній успѣваемъ ;
 Но напрошивъ шого всеильный нашъ Творецъ
 Съ намѣреніемъ вдругъ предвидитъ и конецъ.
 За дѣйствіемъ однимъ другія идушъ сами.
 О коль велика власъ Живущаго надъ нами !
 И шакъ , о человекъ , которой льспишь себя ,
 Что первымъ создалъ Богъ надъ шварью всей тебя !
 Ты можешъ бышъ въ дѣлахъ своихъ по большей часпи
 Зависишь отъ другой невидимыя власпи ,
 И шайкой силою водима мысль швоя
 Бываетъ средспіемъ намѣреній ея,
 За шѣмъ , что шодько часъ мы малу въ свѣшъ
знаемъ ,
 А цѣлаго отнюдь умомъ не пошпгаемъ.

Когда узнаешъ конь, почшо мы правимъ имъ,
 И наложивъ узду , служишь себѣ велимъ ,
 То быспрошу сдержашъ, шо успремисья въ поле,
 И нудимъ все его по нашей дѣлашъ волъ ;
 Когда узнаешъ волъ , почшо въ весенній зной
 Подъ плугомъ мучишя для пользы онъ чужой ,
 Иль будучи включенъ въ Египетскіе боги ,
 И лавромъ увѣчанъ , приемлетъ жершвы многи :
 Тогда уже и мы возможемъ шо поняшъ ,
 Почшо Творецъ судилъ шакими насъ создашъ ;
 Измѣряемъ судебъ Божешвенныхъ пучину ;
 Узнаемъ своего мы сущесшва причину ,
 Конецъ волнующихъ нашъ слабой духъ шпрасшей ,
 Упошребленъе свойствъ и дѣйствъ души своей ;
 Почшо мы шо другихъ въ движеніе приводимъ ,
 То сами отъ другихъ въ движеніе приходимъ ;
 То низки и всему позоромъ веществу ,
 То вдругъ прославлены и равны Божешству.

Прешанъ же называшъ себя несовершеннымъ ,
 И Богу досаждашъ упоршвомъ дерзновеннымъ !

Онъ столько смертному далъ совершеннымъ быть ,
Сколь много совершенствъ могъ сей въ себя вмѣ-
стить ;

По состоянію всѣхъ смертныхъ разсуждая ,
На мѣсто , въ коемъ мы поставлены , взирая ,
Приличное тому и существо намъ далъ ,
И мѣру нашихъ силъ премудро разсуждалъ .
О мудрости Его сомнишься есть безбожно .
Знать лучшими создашь насъ было не возможно .
Все наше житіе одна лишь только тѣнь ,
И весь нашъ вѣкъ ничто , какъ только краской день .

Не находя конца желаньямъ ненасытнымъ ,
Мы знаніемъ хотимъ постигнуть любопытнымъ ,
Что въ книгѣ будущихъ Богъ написалъ объ насъ ,
И вѣчнымъ облакомъ закрылъ отъ нашихъ глазъ .
Онъ только далъ намъ знать , что дѣлается нынѣ —
Оставилъ для себя , что въ будущей годинѣ .
Богъ далъ намъ вѣдать то , чего не знаетъ звѣрь ;
Что знаютъ Ангелы , не знаемъ мы теперь .
Но ежели бы мы грядущее все знали ,
Въ коликой бы вся шварь тогда была печали !
Сей агнецъ , коего гошовишь ты заклашь ,
Когдабъ имѣлъ швой умъ , и напередъ могъ знать ,
Когдабъ предвидѣшь могъ жестокой часъ судьбины ;
Въ шакомъ либѣ ожидалъ спокойствѣ онъ кончины ?
По самой шовѣ ударъ , что кончили жизнь его ,
Играетъ на поляхъ спокоенъ отъ всего ,
Безъ подозрѣнія , безъ всякія боязни ,
Посреди бѣдствія , почти при самой казни ,
Ужъ занесенную лаская лижетъ руку ,
Копорая ему гошовишь смерть и муку .
О коль сія для всѣхъ завѣса насъ нужна ,
Что будущи отъ насъ закрыла времена !
О тайна , кою Богъ единъ лишь только знаетъ !
Онъ ею все шворитъ , что ни опредѣляетъ .
Чрезъ ту , не знаючи , вся исполняетъ шварь ,
Что хочешь въ бытіе привешь всемогущий Царь .

Какъ Богъ всего, что ешь, и Царь надъ самымъ ро-
комъ,
На всякую онъ пварь спокойнымъ смотритъ окомъ:
Хоть сверху воробей упади пропадешъ,
Хотя скончается Герой среди побѣдъ,
Хоть малый порошокъ съ пылинкою смѣсится,
Хотя съ ужаснымъ пвердъ ударомъ разрушится,
Хоть вихремъ понкой листъ до облакъ унесетъ,
Или хоть весь въ ничто преобратится свѣтъ.

Познавъ Божественну власть, смертный, усми-
райся,
Не дерзостно въ своихъ надеждахъ просирайся;
Безумнымъ прихотямъ пы воли не давай,
И къ знанію вещей опасно приступай.
Въ терпѣнны смерши жди; сей общій всѣхъ учитель;
И чпи Того, кой Царь всей пвари и Зиждитель.
Хоть намъ грядущаго Богъ не далъ щастья знать,
Но настоящее надежду далъ достать.
Надежда вѣчная во всякомъ процвѣтаетъ,
И сердце каждаго всечасно оживляетъ.
Хоть не бывалъ иной щастливымъ никогда,
Однако долженъ быть онъ щастливъ всегда;
Хоть безпокойная душа всегда помился,
Но жизни будущей надеждой веселится.

Индѣецъ отъ наукъ хотя не просвѣщенъ,
Но смысломъ, кой ему природою врожденъ,
Во свѣтъ Божество не трудно признаваетъ,
И Бога въ облакахъ, иль въ вѣтрѣ почищаетъ.
Наука, гордостью нашъ порпящая умъ,
Не училъ возносилъ простыхъ и грубыхъ думъ
Превыше солнца, звѣздъ и прочихъ тѣлъ небесныхъ:
Не вмѣстно по его ума въ предѣлахъ тѣсныхъ;
Но естествомъ проснымъ въ него врожденный свѣтъ
Небесныхъ благъ ему надежду подаетъ.
Онъ небо такъ своимъ разсудкомъ предсавляетъ,
Что горы тѣ оно не много превышаетъ,
Которыхъ самой верхъ закрылъ отъ тучъ густыхъ.
Толь проситъ и шоль онъ слабъ въ помятіяхъ своихъ!

1221976

Онъ частѣ быль въ мѣстахъ, гдѣ для лѣсовъ ступенныхъ
Боязни жипелямъ нѣшъ опѣ иноплеменныхъ ;
Онъ мнишъ , что будешъ жипъ въ щаспливыхъ островахъ ,
Вкругъ воды будущъ пещь спокойно въ берегахъ ;
Что опчество свое еще единократно
И сродниковъ своихъ увидишъ онъ обратно ;
Что зрѣнія его спрашилищъ адскихъ видѣ
Суровостью своей опнюдь не возмушишъ ,
И что ужѣ шуда не придущъ Христіаны
Богащства снискивать чрезъ наглосъ и обманы .
Къ чему желанье въ немъ наклонно ещеспвомѣ ,
Все удовольствіе онъ полагаешъ въ шомѣ ;
Крилъ Ангельскихъ себѣ ни мало не жаляшъ ,
Ни пламени шого , чѣмъ Серафимъ пылаешъ ;
Онъ мнишъ , что и его въ сей жизни вѣрной пещь
Съ нимъ вмѣстѣ будешъ жипъ въ обителяхъ небесъ .

9461874
О шы , что передѣ нимъ премудростью гордишся ,
И самъ себѣ его разуміе быль мнишся !
Взвѣсь мнѣнія швои разсудка на вѣсахъ ,
И споръ прошивъ Творца , пыль будучи и прахъ ;
И говори , что все то ещъ несовершенно ,
Что кажешся тебѣ шакимъ быль неперемѣнно ;
Что на инаго Богъ всю милосъ изшощилъ ,
Инаго напрошивъ ни чѣмъ не одарилъ .
Исправъ погрѣшности въ ещеспственномъ семъ чинѣ ;
Дай швари видѣ иной и лучшій , нежелъ нынѣ .
Будь главный судія добротѣ и красоты ,
И свѣшъ перемѣни , какъ лучше знаешъ шы .
Вопи , что для шого несчастны человѣки ,
Что не дано имъ всѣмъ жипъ въ безконечны вѣки ;
И будшо обѣ одномъ нерадишъ Божество ,
Что совершенствѣ не всѣхъ ему далъ существо .
Вопи и клеветци на Бога горделиво ,
Что Онъ для сихъ причинъ шворишъ несправедливо ;
Изшоргни скишпрѣ изврукъ , Творца съ небесъ шводи ,
И правду самую неистовой суди ;

Надъ Богомъ буди Богъ, сядь на Его престолъ;
Суди, почто швоей не угодилъ Онъ волъ.

Любезный Болинброкъ! гордыня въ насъ одна
Всѣхъ заблужденій сихъ неисповыхъ вина.
Оспавивъ свой предѣлъ, спремимся къ горизонту,
Подобясь дерзкому въ ошвагъ Фашонту.
Гордыня завсегда спремимся къ небесамъ:
Вся мысль, желаніе ея и сердце шамъ.
Мы съ Ангелами всѣ хотѣли бы сравняться,
И Ангелъ какъ хотѣлъ за Бога почитаться;
Но естли Ангели всѣ свержены во адъ,
Чшо съ Богомъ спашь въ одинъ хотѣли чинъ и рядъ:
То Ангельскаго насъ хотящихъ шакже чина
Пропивными почестъ довольная причина.
Кшо хочешъ премѣнить естешвенный усшавъ,
И опровергнушь всѣ превѣчныхъ шайны правъ,
Противу самаго шаккой Творца воцешъ,
За чшо наказанъ бышь жестоко долженствешъ.

Спроси кого: почто свѣшилъ несчешный спрой
И днемъ и ночью лучъ на насъ бросаешъ свой?
Почто сошворены земля, моря, дубровы,
Пріяшности вездѣ показывая новы?
Людская гордость сей на шо даешъ опвѣшъ:
Для одного меня ошъ Бога созданъ свѣшъ;
Всѣ дары для меня натура изливаетъ,
Безъ скудости даешъ, шрудится и раждаетъ;
Сады довольствуетъ различіемъ плодовъ,
Поля пріяшностями и нѣжношью цвѣшовъ;
Для вкуса моего плодъ зрѣешъ виноградный,
Для обонянія лилей кусты нарядны;
Чшо горы и моря, чшо кроешъ нушрѣ земной,
Все служишъ для моей шо пользы лишь одной;
Борей дыханіемъ своимъ колеблешъ рѣки,
Чшобъ только перенешъ меня въ шраны далеки,
И солнце для того въ свой данной пушъ печешъ,
Чшобъ только грѣшъ меня и подавашъ свой свѣшъ.
Весь свѣшъ мой домъ, и нѣшъ не — моего ни мало;
Земля мнѣ какъ престолъ, а небо покрывало.

Еще себя спрошу : когда съ лучами вдругъ
Заразы смершныя спускаешъ солнце въ кругъ ,
Иль челюсти земля разинувши насышы ,
Глошаетъ пымы людей и грады знамениты ;
Иль бурной вѣспрѣ , поднявъ хребты шумящихъ водъ ,
Спѣшитъ покрай волной прелещущій народъ :
Толь спрашны наводя Творецъ на насъ напасты ,
Или въ шомъ не вредитъ тебя хошя ошчасш ?
Ахъ , нѣшъ , никакъ ! въ ошвѣтѣ спѣсшвой говоришъ :
Творецъ по общему все правилу шворишъ ,
И рѣдко изъ него извѣштѣ бываетъ ;
Особенныхъ ни въ чемъ Онъ правъ не наблюдаетъ .
Довольно перемѣнъ имѣлъ въ началѣ свѣтѣ ,
И швари ни одной пресовершенной нѣшъ .

Почшо же ты одинъ бышь хочешъ совершеннымъ ,
Противясь правиламъ натуры непремѣннымъ ?
Коль въ шастш конецъ нашъ общій состоитъ ,
Коль само ешестшво противъ его грѣшитъ :
То можноть смершному , всея природы частш ,
Не бышь подвержену порокамъ , или спрашш ?
Не меньше шребуешъ конецъ сей перемѣнъ
Зимы , весны , дождя и ведреныхъ временъ ,
Какъ и шого , шшобъ мы всечасно волновались ,
Различными спрашшми и мыслями колебались .
Противна ешестшву весеннихъ вѣчностъ дней ,
Всегдашнѣ шшшина , безъ буръ и безъ дождей ;
Противно ешестшву и шш бы было равно ,
Шшобъ мудро живъ , во всемъ безспрашно и исправно .
Коль моръ и шрусъ земной не могушъ учинитъ ,
Шшобъ чинъ и красоту природы повредитъ :
То Боргш можешъ ли и дерзкш Капилина
Исправностъ повредитъ ешестшвеннаго чина ?
Размѣрной гордосшью наполненный нашъ умъ
Раждаешъ въ головахъ шаку несшройностъ думъ .
Какъ о ешестшвенныхъ дѣлахъ мы разсуждаемъ ,
Такъ и о нравшвенныхъ вещахъ да помышляемъ .
Коль въ первыхъ мы Творца печемъ извинитъ ,
Почшо же намъ Его въ послѣднихъ сшхъ судитъ ?

И есъли здоровому уму повиновашься ,
 То должно на Творца въ обѣихъ полагашься .
 Намъ мнишья , чшобы мѣръ шѣлесной лучше былъ ,
 Когда бы онъ во всемъ согласіе хранилъ ;
 И лучше бы былъ мѣръ духовной несказанно ,
 Когда бы правду всѣ хранили безпреспанно ;
 Въ нашурѣ не былобъ ни бурь , ниже заразы ,
 Не волновалась бы душа спрасшями въ насъ ;
 Однакъ на шомъ и свѣшъ основанъ сей прекрасный ,
 Чшо всѣ между собой стихіи не согласны .
 И спрасши можно въ насъ стихіями назвашь :
 На нихъ изволилъ Богъ жизнь нашу основашь .
 Какъ въ самомъ естествѣ , такъ въ нравахъ челоука ,
 Ушавы общіе хранилися ошъ вѣка .

Но въ чемъ желанія людскія состояшъ ?
 То больше Ангеловъ безумно бышь хошашъ ,
 То погружаются опяшь въ спенаньяхъ новыхъ ,
 Чшо волчьей шерсти , силъ имъ не дано воловыхъ .
 Но есъли думашъ они , чшо всяку шварь
 На пользу имъ однимъ создалъ всесильный Царь :
 То чшо за прибыли ошъ оной возвѣмбюшъ ,
 Какъ свойства всѣхъ опнявъ , одни всѣмъ завладѣютъ ?
 Премудрый нашъ Творецъ умѣренность блюдешъ ,
 Не распочипельно , но щедро всѣмъ даешъ :
 Живошнымъ всѣмъ Онъ далъ шѣ чувшва , силы , свойства ,
 Чшобъ жишь онъ могли безъ нужды и безпокойшва ;
 Тѣхъ долгой жизнию , шѣхъ силою снабдилъ ,
 А недосшатокъ силъ проворшвомъ награди ъ .
 На состояніе и нужды ихъ взирая ,
 Приличны свойства далъ , всѣмъ равно пособляя ;
 Къ ихъ свойшвамъ нечего прибавишь и опняшь :
 Всѣмъ столько имъ дано , сколь должно было дашь ;
 Не больше щасшливѣ слонъ , какъ червяки и раки ;
 Всѣмъ выгоды даны ошъ Бога одинаки .
 Всѣ роды на землѣ живошныхъ разберемъ ,
 Всякъ въ состояніи равно блаженъ своимъ .
 Когдажъ въ звѣряхъ свои щедроты Богъ прославилъ ,
 То насъ ли Онъ однимъ обидѣлъ и оспавилъ ?

Мы, кои разумомъ одни одарены,
 И первенствомъ между животнохъ почтены,
 О коль Творца гнѣвимъ и роищемъ нечесливо,
 Обидѣль будшо насъ однихъ несправедливо,
 И будшо насъ уже не одарилъ ничѣмъ,
 За шѣмъ, что не далъ намъ однимъ владѣшь Онъ всѣмъ!
 Что хочешъ, говори гордыня, не взираю.
 Я смертныхъ щастья въ томъ отнюдь не полагаю,
 Чтобъ смертный думалъ то, или бы то шворилъ,
 Что превзошло его предѣлы слабыхъ силъ,
 Чтобъ силы шѣ имѣлъ душевны и шѣлесны,
 Для коихъ естества его предѣлы шѣсны.

Почто какъ микроскопъ, такъ и шупой нашъ глазъ
 Не предсавляетъ все намъ больше во сто разъ?
 Причина нашего достойная естъ слуха:
 За шѣмъ, что человекъ естъ человекъ, не муха.
 Но пусть хотябъ и то природа намъ дала,
 Какая польза бы намъ изъ того была?
 Хоть малыхъ мы вещей составъ узналибъ ясно,
 Но будешъ по тому сіе для насъ напрасно,
 Что къ красотѣ небесъ и къ зрѣнію планетъ
 Вся въ нашихъ ужь очахъ способность пропадетъ.
 Коль осязанье намъ нѣжибе дастъ природа,
 То будешъ къ вѣщшему вреду служить народа:
 Прахъ шонкой бы, на насъ упаши, досаждалъ,
 Коснувшись воздухъ къ намъ, болѣзнь бы въ насъ раждалъ.
 Пусть обоянье острѣйшее имѣемъ,
 То опъ воми мы розъ пріятныхъ поблѣднѣемъ;
 Въ нашъ ударя мозгъ движеніемъ своимъ,
 Жизнь опняла бы намъ прясеніемъ легкимъ симъ.
 Когда бы слухомъ мы чувшвишельнѣе были,
 Давнобъ насъ прескъ и шумъ, и громы оглушили,
 Кошорья бы бѣгъ несчетныхъ въ шверди шѣла
 Опъ сильной скорости и влаги произвелъ.
 При шумахъ сихъ, что всю колеблюшъ швердосъ міра,
 Могибъ мы чувшпованъ дыханіе зефира,
 Иль птицъ согласный хоръ, или водъ пріятный шумъ?
 Какихъ тогда бы нашъ забавъ лишился умъ!

Признай же промыслъ здѣсь Живущаго на небѣ ,
 Чшо все шворипшѣ къ швоей Онѣ пользѣ и пошребѣ.
 Чшо дастѣ , за шо хвалу усердно воздавай ;
 Чего не дастѣ , и шо за милосшѣ почитай.

Коль многи шпени существъ и виды разны ,
 Толь шпени ума и чувствѣ многообразны.
 Коль много перемѣнѣ увидипшѣ въ существахѣ ,
 Кшо насѣкомыхѣ шмы , живущія въ поляхѣ ,
 Всѣ порознѣ изчисляшѣ начнешѣ до человѣка !
 Не станешѣ на сіе намѣ никакого вѣка.
 Коль много зрѣнемѣ крошѣ опѣ линкса опспоипшѣ !
 Топѣ вѣчнымѣ мракомѣ взорѣ имѣешѣ свой покрышѣ ;
 Сей оспрымѣ зрѣніемѣ сквозѣ шму и мракѣ пронзаешѣ ,
 И взору густосшѣ шѣлѣ его не воспящашѣ.
 Какѣ сѣ крошомѣ разнишѣ линксѣ зрѣніемѣ очесѣ ,
 Такѣ обоняніемѣ опѣ льва опмѣненѣ песѣ :
 Левѣ подѣ носомѣ едва на пицу звѣря сыщешѣ ,
 Песѣ по духу , хопѣ нѣшѣ слѣдовѣ , за зайцомѣ рыщешѣ .
 Коль слухомѣ розняшѣ живущія въ водахѣ
 Опѣ воснѣвающихѣ весною на древахѣ !
 Коль осязаніе наукѣ имѣешѣ нѣжно !
 Въ глубокомѣ самомѣ снѣ онѣ бодршвуетѣ прилѣжно ;
 Тихонько къ волоску лишь шолько шы коснись ,
 Онѣ слышишѣ , бѣгаешѣ кругомѣ , и вверхѣ и внизѣ ,
 И кажется , въ своемѣ жилищѣ безопасно
 На всякомѣ волоскѣ живешѣ онѣ повсечасно .
 Кому изѣ насѣ данѣ вкусѣ чувствивипельнѣе пчелѣ ?
 Лешая вкругѣ полей , садовѣ , луговѣ и селѣ ,
 Изѣ яда самаго они коль оспорожно
 Берутѣ пріяшной медѣ , помыслишѣ не возможно .
 Коль много опѣ свиньи опмѣненѣ смысломѣ слонѣ !
 Разумнымѣ почитай назвашѣся можешѣ онѣ .
 Коль близко смыслѣ и умѣ другѣ сѣ другомѣ сопряженны
 Всегда опдалены , всегда соединенны !
 Коль память звѣрская ешѣ сѣ разумомѣ сходна ,
 И коль не много мысль опѣ чувствѣ опдалена !
 Сіи хопѣ свойства всѣ хопяшѣ соединишѣся ,
 Но никогда не лѣзя желанію ихѣ сбышѣся ;

Богъ вѣчные межъ ихъ предѣлы положилъ,
И ихъ переступаешь обѣимъ запретилъ;
Богъ разноситъ сея и степеней несочпныхъ,
Которы видимъ мы въ безчисленныхъ живопныхъ.
Могли ли бы онѣ однѣ другимъ служишь,
И всѣ единому тебѣ слугами бышь?
Ты разумомъ своимъ всѣхъ силы побѣждаешь,
И въ разумѣ одномъ всѣхъ силы заключаешь.

На воздухъ обрати свой взоръ и небеса,
На землю, на моря, на горы и лѣса:
Смотри, матерія движеніе имѣешь,
Раждаешь сѣмена, плодишь, расцвѣтъ и зрѣешь.
Колики степеніи существъ на вышинѣ,
И на поверхности и въ самой глубинѣ!
Коль чудна связь вещей, и коль союзъ великій,
Что начинаясь отъ самаго Владыки,
Объемлетъ существа небесныхъ и земныхъ,
Ликъ Ангельскій, людей, звѣрей, птицъ, рыбъ морскихъ,
Гадовъ и червяковъ, и насѣкомыхъ роды,
Которымъ нѣсть числа обиліемъ природы!
О цѣпь, которая обяешь ни глазъ простой,
Ни Опшика очесъ не можешь опспрошей!
Отъ Безконечнаго и бывшаго до вѣка
Разпростирается она до человекъ;
Отъ смертныхъ наконецъ въ сплешеніи своемъ
Вдаль продолжается и кончится ничѣмъ.
Лишь мы мѣста свои оставишь покусимся,
И верхнія занять безумно усспремимся,
То всѣ шѣ существа, которы ниже насъ,
Мѣста нашихъ восхоятъ достигнуть пошѣ же часъ;
А иначе въ сей цѣпи пустоебѣ мѣсто было,
Которое бы весь союзъ сей прекрашило;
Гдѣ естли хоть одну опшинешъ только часъ,
То равновѣсію всему тогда пропасть,
И вся великая связь пошчасъ разпадется,
Какъ естли хоть звѣно едино перервется,
Хоть часъ десятиая, хоть тысячабѣ была,
Хотябѣ для малости казалась вѣбѣ числа.

Когда всякъ кругъ планеть порядокъ наблюдаешъ,
 И свой бѣгъ чудный намъ сугубо обращаешъ:
 То чинъ сей надлежитъ не только до него,
 Но связь хранишь небесъ и связь крѣпимъ всего.
 Напрощивъ хопь однабъ планета разорвала
 Союзъ свой, и на низъ между круговъ упала,
 Коликой бы во свѣтѣ ввела нашъ непорядокъ,
 Повлекши за собой планеты всѣ въ упадокъ!
 Земля бы отъ сего, подвигнувъ центръ свой весь,
 Во безобразную пришла и въ первобытну смѣсь.
 И солнце и луна, и весь строй свѣтлыхъ звѣздъ,
 Низпалибъ безъ опоръ изъ равновѣсныхъ мѣсѣдъ,
 Въ смятеніи шакомъ, въ великомъ страхѣ ономъ
 Изнемогаючи Натура съ жалкимъ спономъ
 Вздохнула бы, и звукъ спенанія сего
 Раздался бѣ въ слухъ Творца созданія всего,
 Погибнулъ бы весь чинъ, красабъ вся разрушилась;
 Но для когобъ сія премѣна учинилась?
 Для насъ ли? червяки! презрѣніе! мечта!
 О буйство! гордой духъ! нечесье! слѣпоша!

Предсхавъ, когдабы въ насъ всѣ члены взбун-
 шовались,
 И всѣ отъ должностей своихъ бы отказались,
 И каждой бы изъ нихъ то дѣлать захотѣлъ,
 Что всѣхъ вещей Творецъ другому повелѣлъ:
 Глаза ходить, нога смощрѣшь, а уши мыслить,
 И душу бы за власть совсѣмъ пресшали числить,
 Кошторая имъ всѣмъ владычицей дана:
 Какая изъ того неспройность бытъ должна!
 Сравнижъ, въ какое весь свѣтъ придетъ неустройство,
 Въ какое вверженъ вселенна неспокойство,
 Когда мы Божеску продерзко презримъ власть,
 И учрежденну намъ почтемъ въ обиду часть,
 И пресшунивъ Его велѣніе и волю,
 Безспудно восхотимъ имѣть чужую долю!
 Различны существа, что въ свѣтѣ семъ ни есть,
 Всѣ можно членами вселенныя почестъ.
 Изъ нихъ натура вся сосшавлена какъ шѣло,
 Богъ какъ душа, кой все сіе устроилъ дѣло.

Хоть примѣняется къ всякому существу,
Одинъ и пошъ же Онъ во всемъ по естеству.
Въ спроеіи земли равно великъ и славенъ,
Какъ въ учрежденіи земли вездѣ исправенъ.
Онъ въ солнцѣ грѣетъ насъ, сіяетъ Онъ въ звѣздахъ,
Въ зефирахъ холодитъ, родитъ цвѣтѣ на древахъ;
Во всякомъ существѣ живетъ одушевленномъ,
И протягается во всякомъ пропяхенномъ;
Не раздѣляется, но всѣхъ собой дѣлитъ,
Безъ скудоспи всегда и вся и всѣмъ даритъ.
Онъ купно съ нашею душой всегда дышаетъ,
И смертну нашу часть собою оживляетъ.
Не меньше совершенъ съ сложенъ волоска,
Въ соснахъ сколь сердецъ сильна Его рука.
Не меньше Онъ премудръ въ послѣднемъ чловѣкѣ,
Которой о своемъ несчастномъ плачетъ вѣкъ,
Какъ въ Ангелахъ Его прославлены дѣла,
Которы суть одна любовь и похвала.
Нѣтъ ничего предъ Нимъ, что бы высоко было,
Ни низкоспи чему бы названіе служило;
Нѣтъ малаго, и нѣтъ великаго предъ Нимъ,
Онъ все за равно чтетъ величествомъ Своимъ.
Онъ полнитъ все, всему равенъ, міръ вяжетъ цѣлый,
Все спростъ и хранитъ, всему даетъ предѣлы.

О смертный! посыдись днесъ гордоспи своей,
Нестройнымъ переспанъ звать чудный чинъ вещей.
Что нашей слабоспи бытъ кажешся напастью,
То тайнымъ къ нашему бываетъ средствомъ щастью.
Отвсюду самъ себя прилѣжно разсмотри,
Съ смиреніемъ за все Творца благодари.
Богъ мѣру слабоспи тебѣ далъ правосудно,
И слѣпошу твою ведетъ къ блаженству чудно.
Создателю всего себя во власть отдай,
И за безспорную то правду почиай,
Что долею своей столь щастливъ ты неложно,
Что больше щастливымъ тебѣ бытъ не возможно;
Хотя бы ты въ міръ семъ, хотя бы гдѣ индѣ былъ,
Ты все возможное блаженство получилъ;

И вѣрь , что въ рождествѣ и въ самой часѣ кончины ,
Ты можешь ожидать щасливья судьбины
Отъ милосердія Того и щедрыхъ рукъ ,
Кто доли всѣхъ существъ располагаетъ вѣдугъ ,
Кто жребіемъ судебъ и щастьемъ всѣхъ владѣетъ ,
И больше о тебѣ , чѣмъ самъ ты , сожалѣетъ .
Не мни , что случаемъ сбылося естество ,
Невѣдомое въ немъ Онъ спроишъ масперство .
Что въ свѣтѣ случаемъ бышь мнился ненарочнымъ ,
То промыслъ дѣлаешъ велѣніемъ всемонымъ ;
Хотя не знаемъ мы , какой шому конецъ ,
Что хочешъ въ дѣйствіе привесъ чрезъ шо Творецъ ;
Что нашему уму бышь мнился несогласно ,
Въ шомъ сходство чудное , хощь намъ оно не ясно ;
Что кажешъ намъ бышь съ обидой одного ,
То служишъ къ щастію созданія всего .
Что хочешъ , разсуждай гордынею надменный ,
И къ заблужденіямъ нашъ умъ поползновенный ;
Сіе свѣтлѣе есть и солнца самаго ,
Что въ свѣтѣ все добро , худаго ничего .

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

*О естествахъ и состоянїи челоуѣки въ разсужденїи
самаго себя особливо.*

Преснанъ испытывать судьбы Творца вселенной!
Не можешь ихъ опнюдь понятьъ швой умъ стѣсненной.
Въ познании себя препроводи свой вѣкъ:
Наука смертному естъ шощъ же челоуѣкъ.
Какъ будшо межъ двумя поставленъ онъ морями,
Различенъ въ сущесшвѣ, различенъ и дѣлами;
Поняшенъ съ шупосшью, великъ, но не красенъ;
Довольно для шого онъ знанїемъ снабдѣнъ,
Чшобъ съ Скепшикомъ ему о всемъ не сомнѣвашься,
И индѣ на свой смыслъ надежно полагашься;
Но шолько въ силахъ слабъ онъ духа своего,
Чшо шрогосшъ Споиковъ несносна для него.
Колелемъ мыслями на шо и на другое,
Не знаешъ, дѣлашь ли, ошпанься ли въ покоѣ,
За Бога ли себя, за звѣря ли вмѣнишь,
И шѣлулъ первенсшво, душѣ ли ушупишь;
Онъ шолько для шого, чшобъ умеренъ, родишя,
И мыслишь для шого, чшобъ послѣ ошибишься.
Хощъ много шпанешъ онъ, хощъ мало разсуждашь,
Погрѣшности ни шамъ, ни шущѣ не избѣжашь.
Шрастеш и мнѣнїи смѣшь на шранной сбродѣ походишь:
Онъ самъ себя въ обманъ ведешъ, и самъ выводишь,
Родишя, чшобъ шеперь взлешѣшь на вышину,
Но послѣ вдругъ унашь шпремглавъ во глубину.
Онъ швари всей слуга, и все ему подвлашно,
Онъ истинный судья, и онъ же лжетъ всечасно.

Всегда жестоку брань ведешь съ собою самъ,
Загадка естества — честь, слава, стыдъ и срамъ.

Поди, о горда шварь, одна изъ всѣхъ созданий!
Куда тебя влечетъ стремленье многихъ знаний.
Вселевныя всея пространство испытай,
Взвѣсь воздухъ на вѣсы и шажешь угадай,
Планетамъ предшиши въ печеніи уставы,
Вели приливу сбыть съ морей для переправы;
Исправь погрѣшности въ старинныхъ временахъ,
И солнце въ бѣгѣ управь въ предписанныхъ кругахъ;
Съ Платономъ до небесъ взнеися эмпирейскихъ,
Гдѣ первое добро и лучше всѣхъ житейскихъ;
Ошважься въ лабиринтъ чудесной сей взойши,
Гдѣ всѣмъ наводящъ страхъ незнаемы пущи —
И чувствва погубивъ, хвалися безразсудно,
Что Богу подражать въ дѣлахъ тебѣ не трудно.
Какъ суевѣрные жрецы воспочныхъ странъ,
Посмѣхъ безчувственныхъ народовъ и обманъ,
Мнящъ, что бѣгъ солнечный изображаютъ дѣломъ,
Когда неистово кругомъ вершась всѣмъ шѣломъ,
Приходящъ въ обморокъ ошъ обращеній сихъ,
И чувствуютъ въ глазахъ круженіе своихъ.
Взойди на небеса, наставь Творца совѣтомъ,
И научи Его, какъ лучше править свѣтомъ.
Лязяль сдѣлашь то тебѣ? дерзай и говори!
Самъ испытай себя, всѣ силы разсмотри!
Увидѣвъ, что тебя напрасно льстятъ надежда,
Стыдися слабости, и ужаснись, невѣжда!

Недавно видѣли небесны существа,
Что смертный открывалъ законы естества,
Дивясь, что человекъ столь слабой, малой, бренной,
Имѣетъ умъ въ себѣ столь острой и ошмѣнной.
Ньютона такъ почти небесны умы,
Какъ обезьянинымъ дивимся дѣйствамъ мы.
Но сей, что могъ звѣздамъ законы предуставить,
Умѣлъ ли хоть одной своею спрастью править?
Что восходилъ умомъ превыше горнихъ мѣстъ,
И вѣдалъ высоту и низкость свѣшлыхъ звѣздъ,

Онѣ могъ ли самаго себя познать хоть мало ?
 И понялъ ли онѣ свой конецъ, свое начало ?
 Какое шайнство ! какія чудеса !
 Нашѣ быстрой можешъ умъ взлетѣть на небеса ,
 Отъ знаній къ знаніямъ высокимъ простираешь ,
 И самыхъ понкостей не трудно добираться ;
 Когдажъ мы захошимъ познать себя самихъ ,
 И силу испытать всѣхъ склонностей своихъ ,
 То только разумъ нашъ лишь къ дѣлу приспупаетъ ,
 Спрась основаніе начала разрушаешь .

Двумъ силамъ нами Богъ велѣлъ повелѣвать :
 Одной , чтобъ возбуждать , другой , чтобъ управлять .
 Любовь къ самимъ себѣ въ насъ склонности раждаетъ ,
 А умъ стремленія сердечны управляетъ .
 Не лзя ни коего изъ нихъ назвать худымъ :
 Мы должны своего часть щастья обويمъ ;
 И ша , и шагъ свой долгъ и свой конецъ имѣешь ,
 Та клонись , шагъ сердецъ движениемъ владей .
 Что съ каждымъ сходствуетъ , то должно звать добромъ ,
 А что прошивно имъ , почесъ достойно зломъ .
 Любовь къ самимъ себѣ движеній всѣхъ причина ;
 Что дѣйствуетъ душа , она вина едина .
 Умъ судишь о вещахъ , въ чемъ польза и въ чемъ вредъ ;
 И волю нашу онѣ къ полезному ведешь .
 Не можно ни любви къ самимъ себѣ лишиться ,
 Не лзя и безъ ума ни мало находишься .
 Когда любишь себя не будетъ человекъ ,
 То будетъ онѣ какъ пень во весь недвижимъ вѣкъ .
 Коль разумъ прочь отнятъ , желанія безплодны
 Къ произведенію конца отнюдь не годны ;
 Тогда бы смертный былъ какъ ибжной въ полѣ цвѣтъ ,
 Которой для того на стебелькѣ расцвѣтъ ,
 Чтобы созрѣвъ , разцвѣсѣ , одѣлся красотою ,
 Потомъ изсохнувъ вдругъ отъ солнечнаго зною ;
 Илибъ подобенъ былъ воздушнымъ онѣ огнямъ ,
 Что безпорядочно сверкая зѣсь и тамъ ,
 То сверку вещи внизъ другія низвергающъ ,
 То сами чрезъ себя на землю упадающъ .

Любовь къ самимъ себѣ ума сильнѣе въ насъ ;
 Безъ дѣйствій бышь она не можетъ ни на часъ ;
 То отвращеніе раждаетъ въ насъ , то клонитъ ,
 Одну вливаешь спрашь , другую далѣ гонишь ;
 Но разумъ въ пишинѣ нашъ любитъ пребывашъ ,
 Разсматривашъ дѣла , судитъ и разсуждашь .
 Любви къ самимъ себѣ шѣмъ большая есть сила ,
 Чѣмъ ближе къ намъ та вещь , котора насъ плѣнила .
 Все наспоющее по чувствамъ лишь однимъ
 Вмѣняетъ бышь она и добрымъ и худымъ ;
 Но умъ по слѣдствіямъ вещей доброшу мѣритъ ,
 И пользѣ будущей , не наспоющей , вѣритъ .
 Весьма сильнѣе насъ разитъ пріятносшь чувствъ ,
 Какъ сила опытовъ , доводовъ и искуствъ .
 И такъ разсудокъ нашъ имѣетъ больше свѣща ,
 А та насильствія , не добраго совѣща .
 Но чшобы намъ сію пиранку укрошитъ ,
 То должно разуму всегда послушнымъ бышь .
 Привычка , опытъ , шрудъ , вниманіе , природа ,
 Возмогутъ помощь дашь въ шомъ слабоспи народа .
 Сіи всѣ могутъ намъ шу выгоду принесть ,
 Чшобъ самолюбіе въ безсиліе привесть ;
 А разумъ укрѣпивъ , дашь власшь ему надъ нами ,
 Чшобы не спраспи имъ , но онъ владѣлъ спраспями .
 Пускай схоластикеи онъ диспушовъ хрипящъ ,
 Чшо должно сопряташь , пусть на — двое дѣлящъ ;
 Доводы пусть плешупъ безъ сна и безъ покою ,
 Чшо силы двѣ сіи прошивны межъ собою .
 Онъ добродѣтелеи Господню благодаръ
 Неиспово они обыкли ондѣлящъ ;
 Подобнымъ образомъ доказывающъ ложно ,
 Чшо съ чувствами уму въ союзъ бышь не можно ;
 За умныхъ подлинно единыхъ чшущъ себя ,
 Однако шочно такъ , какъ умъ весь погубя ,
 О словъ преніе великое имѣющъ ,
 Кшпорато или опнюдь не разумющъ ,
 Или хопъ не сомная о силѣ ни опнюдь ,
 Но о поверхности ужасной споръ ведушь :
 Тотъ пламенемъ , другой огнемъ шожъ называешъ ,
 Согласны въ шомъ , чшо огонь и пламень пожигаешъ .

Любовь къ самимъ себѣ опвѣшпвуешъ уму.
 Желанья клоняшся оббихъ къ одному :
 Съ природы оба два худаго ненавидяшъ,
 И склонны лишь къ шому, въ чемъ удовольство видяшъ.
 Но та пріапношямъ опдавшися во власть,
 Съ великой жадношью вся въ нихъ хотѣлабъ впасшъ;
 А умъ за прихощми идешъ опаснымъ слѣдомъ,
 И цвѣта не вредя, лишь пользуется медомъ.
 Пріапношть въ разумъ взявъ добромъ и худомъ,
 Возможно намъ назвашъ и пользой и вредомъ.

Мнѣ кажется, ничто иное наши спрасши,
 Какъ самолюбія различны видомъ часши ;
 Онѣ чувшва видимыхъ, или припворныхъ благъ
 Раждающся всегда онѣ въ людскихъ сердцахъ.
 Но какъ по ешпесшву шому не можно сбышся,
 Чшобъ всякая могла доброша раздѣлшсья ;
 И сверхъ шого нашъ умъ повелѣваешъ намъ,
 Чшобъ каждой о своей спарался пользѣ самъ :
 То спрасши въ каждомъ ешъ изъ насъ однѣ шакія,
 Чшо къ пользамъ собспвеннымъ влекушъ, презрѣвъ
 чужія ;
 И ежели онѣ сушъ средшвомъ дѣлѣ честныхъ,
 То можно сходными почешъ съ разсудкомъ ихъ.
 Но шѣ, чшо не однимъ намъ прибыли раждающъ,
 Но купно и другихъ прибышки наблюдающъ,
 Имѣющъ знаншйшій конецъ и лучшій видъ,
 И добродѣтелей имъ имя надлежитъ.

Пусть Споикъ хвалишся, чшо онѣ опнюдь без-
 спрасшенъ,
 Чшо онѣ движеніямъ ни мало не подвлашенъ,
 И будшо нѣшъ во всей вселенной ничего,
 Чшо бы могло попрыашъ великшй духъ его :
 Онѣ швердостію льду себя уподобляешъ ;
 Ледъ въ мѣсто меньшее себя всегда сжимаешъ ;
 Онѣ кровь кипящую изъ прочихъ членовъ вспяшъ
 Въ сосуды силшсья сердечны прогоняшъ.
 Душъ въ покоѣ бышъ ни мало не природно :
 Движеніе имѣшъ и дѣйшвовашъ ей сходно.

Хоть нѣкошора спрасшь вредъ въ часпи учинишь ,
 Однако весь составъ симъ дѣйствиємъ крѣпишь .
 Все наше жишїе морскимъ волнамъ подобно :
 Единымъ никому плышь въспромъ не удобно .
 Чшо на морѣ компасъ , шо въ жизни сей нашъ умъ ,
 А спрасши съ склонностыи ревущихъ въспровъ шумъ .
 Не только въ пишину Творецъ корабль нашъ вводишь ,
 Онъ съ нами по волнамъ и въ бурно время ходишь .
 Хоть спрасши всѣяны на пошъ же въ насъ конецъ ,
 На кой и бышїе стихіямъ далъ Творецъ ,
 Чшобъ брань вели съ собой взаимную всечасно ,
 И не былобъ одно съ другимъ отнюдь согласно :
 Однако естли ихъ смѣшашъ и умягчишь ,
 То знакомъ мудроспи Господней могутъ бышь .
 Спремленіе спрасшей , о вы ! обуздавайте ,
 И въ пользу ихъ свою разумно обращайтесь .
 Возможно ли спрасшамъ не бышь въ насъ никакимъ ,
 Когда мы смершныи изъ оныхъ состоимъ ?
 Имѣй спараніе и мысль о шомъ едину ,
 Чшобъ слѣдовалъ швой умъ естешвенному чину ;
 Природѣ подражай , держи во узахъ спрасшь ,
 И отдавай себя Создателю во власть .

Желаніе , любовь , надежда и ошрада ,
 Увеселенія сушь ошрасли и чада ;
 Но подозрѣніе , скорбь , ненависть и страхъ
 Неудовольствіємъ раждающа въ сердцахъ .
 Какъ будущъ межъ собой всѣ смѣшаны пристойно ,
 И каждая стояшь въ своихъ предѣлахъ стройно ,
 То мыслей никогда онъ не возмущашъ ,
 Но больше ихъ еще спокойство ушвердятъ .
 Какъ на каршинѣ свѣшъ , смѣшавшись купно съ тѣнью ,
 Тѣмъ больше придаешъ прїятности видѣнью :
 Такъ смѣсь пристойная воющихъ спрасшей
 И силы и красы придастъ намъ въ жизни сей .

Прїятности — или мы держимъ ужь руками ,
 Или едиными лишь видимъ ихъ глазами .
 Но ежели въ рукахъ ихъ нѣшъ и нѣшъ въ глазахъ ,
 То представляемъ ихъ лишь въ мысленныхъ очахъ .

Безсмертная душа и бренно наше тѣло
 Имѣютъ трудъ одинъ, стараніе и дѣло,
 Чтѣобъ настоящую пріятность удержишь,
 А къ будущей души и средства изобразишь.
 Хотя все, что ни есть пріятное, намъ нравно,
 Но сила каждаго и дѣйствіе не равно;
 Не всѣмъ въ насъ чувствіямъ пріятна вещь одна,
 Но каждому своя пріятность подана.
 Чѣмъ насъ пріятности сильнѣе ударяютъ,
 Тѣмъ большую къ себѣ въ насъ склонность возбуждаютъ,
 И самымъ тѣмъ въ сердцахъ рождаютъ нашихъ страсть,
 Котора подъ свою нашъ умъ плѣняетъ власть.
 Какъ чудотворный змій въ Египтѣ Моисеевъ
 Пожралъ въ себя змиевъ безбожныхъ чародѣевъ:
 Такъ выдвинувшись одна страсть силою своей
 Противящаяся снѣдаетъ страсти ей.

Какъ только въ первой разѣ на сей мы свѣтѣ
 взираемъ,
 То съ жизнью смерти вдругъ начало принимаемъ.
 Смѣшавшись съ кровію и съ тѣломъ сей недугъ,
 Растемъ и къ крѣпости приходимъ съ нами вдругъ:
 Подобно такъ и страсть, безсиліе душевно,
 Родившись съ нами вдругъ и множась ежедневно,
 Обвѣмлетъ силою своею всякой членъ,
 И душу наконецъ отводитъ съ тѣломъ въ плѣнъ.
 Сокъ жизненный, къ тому опредѣленный дѣлу,
 Чтѣобъ пищу подавать во укрѣпленіе тѣлу,
 И тѣла и души къ сей часпи немощной
 Спрямится въ множествѣ и съ большей быстриной.
 Чѣмъ страсти сила духъ нашъ больше напругаетъ,
 Тѣмъ изображеніе сильнѣе обращаетъ
 На немощную часть весь пенный тѣла сокъ,
 Что сердце трепетъ въ насъ чрезъ быстрый бѣгъ и
 шокъ,
 И коймъ въ головѣ налившийся всѣ части,
 И мнѣнія плодящъ и укрѣпляютъ страсти.
 Природа страсти въ насъ влагаетъ сѣмена,
 Способностью расщепъ и множится она.

Умъ, живость, мнѣнія и всѣ дары душевны
Приводятъ въ силу сей недугъ души плачевный.
Но что я говорю? самъ разумъ много разъ
Пишетъ пламень сей и разжигаетъ въ насъ:
Какъ лѣшнихъ среди дней зной солнечный жестокой
Осирѣ дѣлаетъ предъ прежнимъ лѣдки соки.
Пощомъ когда ужь спрасъ, какаябъ ни была,
Всѣ уды наши, мысль и сердце обняла;
Не могли разумъ самъ прошившись ей болъ,
Бываетъ принужденъ служить ей по неволь.

Наслѣднаго Царя несчастные слуги!
Достойны жалости, печали и туги.
Насъ видомъ господинъ сей слабой управляетъ,
Но дѣломъ другъ его, спрасъ, нами обладаетъ.
Когдажъ намъ средствъ такихъ подать не можетъ
онъ,

Какъ правила его, каковъ его законъ;
То можетъ ли принести иную намъ опраду,
Какъ большую лишь въ насъ усугубя досаду,
Намъ слабость наша природы избѣснитъ,
И плакать о своей судьбинѣ научитъ,
Что самъ онъ немощи не можетъ сей исправить,
И онъ паденія насъ слезнаго возсавитъ?
Злыхъ дѣлъ винитель спрогъ, другъ крайній, но безъ
силъ,

Изъ суди себя онъ спрячимъ учинилъ.
Намъ реня людей совѣшомъ подшверждаетъ;
Что прежде сдѣлали, то ложно извиняетъ.
Гордился иногда онъ мнѣнемъ побѣдъ,
И страсти одолѣвъ, меньшія въ плѣнъ ведетъ,
Чтобъ большимъ наконецъ спрасьямъ порабощиться,
И вольности вовѣкъ дражайшія лишиться:
Какъ лѣকারь, мя, что онъ очистилъ лицю кровь;
Иль вводитъ внутрь болѣзнь или подагру вновь.

Такъ лучше намъ пушей естественныхъ держаться,
Гдѣ нечего такихъ опасностей бояться,
Гдѣ больше ужь вождемъ не будешь разумъ нашъ,
Но спашетъ только намъ послѣдовать какъ спражъ.

Что страстно, изгребить не можешь онъ конечно,
 Но только уполяшь волненіе сердечно,
 И насъ пльнишу страсть не всю вдругъ выгоняшь,
 Но съ нею долженъ въ помѣ помалу поступать.
 Владѣющая спроситъ движеніемъ необычнымъ
 Склоняешь нашу мысль къ желаніямъ различнымъ;
 Различныя же насъ желанія всегда
 Колеблешь шакъ, какъ въспрѣ спроси сюда и шуда:
 Однако какъ онъ въ насъ мысли ни волнуешь,
 Но послѣ уснувши единой долженствуюшь;
 Осилвшая спроситъ, всѣ выгнавъ изъ сердецъ,
 Какъ силою велишь избрать одинъ конецъ.
 Къ богатствуль, къ славѣ ли, ученю, или власти,
 Къ спокойствіюль, что мы чтемъ лучше всякой чашки;
 Къ чему бы наконецъ ни склонны были мы,
 Чрезъ огонь и чрезъ мечи, чрезъ спрашныхъ бѣдспвій шемы
 Стремимся къ вещи шой, къ копорой спроси сила,
 Въ пльнѣ сердце наше взявъ, всѣ мысли преклонила.
 Что сладостей мірскихъ отрехиися монахъ,
 Кончаешь дни свои въ молитвѣ и шрудахъ;
 Что славою пльнися, на цѣлой полкъ безъ страху,
 Весь въ ранахъ и крови, Герой шечешъ съ размаху,
 Что весь свой вѣкъ сидишь надъ книгой Философъ,
 Купецъ, что родъ проклясть изъ барыша гошовъ;
 Причину своея всякъ склонности имбешъ,
 Для коей здравія и жизни не жалбешъ.

Творецъ, изъ ничего велѣлъ что свѣшу быть,
 Изъ худа доброе умбешъ учинишь.
 Онъ самую нашъ умъ осилвшею спросашю
 Невидимо ведешъ насъ къ истинному шасстью.
 Симъ чуднымъ образомъ всѣхъ смертныхъ существо
 Къ извѣшному коццу приводишь Божество.
 Кшо добродѣтели со спросашю мѣшаешъ,
 Тощъ силу ихъ такимъ союзомъ укрѣпляешъ.
 Но шю, что грубаго останешся въ спросашяхъ,
 Доброшу и хвалу крѣпнѣ въ честныхъ дѣлахъ;
 Когда соединишь свою духъ пользу съ шѣломъ,
 Тогда бываешъ съ нимъ въ согласіи всецѣломъ.

Какъ сукъ безплодный плодъ хозяину даетъ ;
Когда его ко пню лѣсному онъ привьешь :
Такъ добродѣтели страсть лучшія раждаетъ ,
И грубостью своей ихъ корень укрѣпляетъ .
Коль часто ненависть , печаль , упрямство , страхъ
Раждающъ въ нашихъ жаръ къ чеснымъ дѣламъ
сердцахъ !

Гибъ ярый ревности и мужества причина ,
Алчба имѣня разсудка мать единя ;
Спокойство съ праздностью ; чшобъ скуки избѣжашъ ,
Въ учени велишъ веселія искашъ ;
Но зависть , что людей душъ подлыхъ тщетно мучишъ ,
Ученыхъ ревности и полководцевъ учишъ .
Пріятность чистая ; хранящая предѣлъ
Съ умѣренностію самоугодныхъ дѣлъ ;
Есть нѣжная любовь , дозволенная радость ;
И безпорочная сердецъ горящихъ сладость .
Теряешъ подлинной та добродѣтель видъ ,
Копорую ни спесь произвела , ни спыдъ .

И такъ натура въ насъ доброшы производишъ ;
Изъ коихъ каждая почти на грѣхъ походишъ ,
И кажеиъ съ грѣхомъ бышь рода одного .
О естѣлибъ наша спесь смирилась для сего !
Нашъ разумъ нѣкоей видъ ваги представляешъ ;
Копорой онъ худыхъ дѣлъ къ добрымъ преклоняешъ .
Какъ естѣли бы хотѣлъ безчувственный Неронъ ,
То такъ же бы , какъ Тимъ , могъ царствовать и онъ .
Жаръ въ децібъ съ хвалою и Курцібъ мы видимъ ,
Но въ Кашилининомъ свирѣпствѣ ненавидимъ ;
Тожъ честолюбіе спасаешъ и губишъ ,
Тѣхъ добрыми , другихъ пиранами иворишъ .

Сіе смѣшеніе въ насъ свѣта съ темнотою
Кто можетъ раздѣлишъ другой между собою ,
Какъ только Томъ единъ ; копорой въ насъ живешъ ;
Источникъ всѣхъ существъ , копорой создалъ свѣтъ .
Дѣвъ вещи , кои другъ на друга не походишъ ,
Въ насъ то же дѣйствіе чудесно производишъ .
Смѣшеніе сіе противныхъ шоль вещей
Приносишъ дивную пошребу швари всей .

Хотя сливаются онъ такъ многократно,
Что нашему уму быль мнился непонятно
Назначить мѣсто, гдѣ береть начало грѣхъ,
Гдѣ добродѣтели свой скончавають бѣгъ.
Толь разность кажется мала межъ обоими!
Толь сходство напрошивъ великое межъ ими!
Какъ съ пѣнью животись такъ смѣшиваеишь свѣтъ,
Что кажется ошнюдь межъ ихъ несходства нѣтъ.
Кшождѣ скажетъ побуждавъ одною сей причиной,
Что нѣтъ грѣха и нѣтъ доброты ни единой?
Что съ чернымъ бѣлое смѣшается въ одно,
И разнымъ образомъ сто разъ разведено?
Возможноль заключить кому по сей примѣнѣ,
Что нѣтъ ни чернаго, ни блага на свѣтѣ?
Спроси всякъ самъ себя; янѣе есть всего,
Для сходства чуднаго и слитія сего,
Намъ должно приложить трудъ, время и охоту,
Чтобъ различить съ грѣхомъ неложную доброту.

Грѣхъ есть чудовище; его толь гнусенъ видъ,
Что ненависть къ нему одинъ взглядъ возбудишь;
Но елики на него кто нѣсколько разъ взглянетъ,
Тогда уже ему не столько гнусенъ спанетъ:
Помалу сносенъ, вдругъ и жалокъ намъ сей льстецъ,
И другомъ мы его считаеишь наконецъ.

Но всѣ въ шомъ мнѣнія людскія не согласны,
Гдѣ кончися порокъ, сей общій врагъ ужасный.
Спроси кого нибудь: гдѣ сѣверна спрана?
Какъ въ Англїи стоишь, въ Шотландїи она;
Въ Шотландїи стоишь, на островахъ Аркадскихъ,
А индѣ сошлюся на жишелей Гренландскихъ.
Томъ ставишь сѣверъ здѣсь, иной быль чаешь шутъ,
И нѣтъ согласія въ отвѣсахъ ни ошнюдь.
Подобно такъ другихъ мы мнѣишь всегда быль злѣе;
Никто не признаетъ себя быль всѣхъ грѣшнѣе.
Подъ жаркимъ, такъ сказашь, кто подсомъ стоишь,
И въ самомъ пламени нечестія горишь;
Однакъ не чувствуешь толь сильнаго онъ зноу,
Или признашь шого не хочешъ за собою.

Что можешь произвести въ безгрѣшномъ мужѣ,
спрахаь,

То затвердѣвшіе добромъ зовунѣ въ грѣхахъ.
Не много въ свѣтѣ есть какъ вовсе незаконныхъ,
Такъ къ добродѣтелямъ безъ отвращенія склонныхъ;
Но въ каждомъ добрыхъ есть пошупокъ и худыхъ,
И нѣкошору часъ имѣнѣ обоихъ.

По случаю и злой бышь можешъ добронравенъ,
И глупой можешъ бышь разсуденъ и исправенъ;
И доброй человѣкъ то случаемъ шворитъ,
За что другаго онъ не скоро извинитъ.

Не вовсе зла бѣжимъ, и честность наблюдаемъ;
Отъ части любимъ ихъ, отъ части презираемъ.

Добро ли или зло, не любимъ или чшимъ,
Все только по однимъ лишь прибоямъ своимъ.
Мы каждой въ дѣйствіяхъ конецъ имѣемъ разный,
И всѣхъ желанія весьма многообразны;

Но Божеской конецъ есть болѣшій и одинъ,
Всего созданія краса и спройной чинъ.

Всѣ наши глупости, упрямства и пороки
Удерживаешъ Онъ чрезъ промыслъ Свой высокій,
Худыя слѣдствія продержосши людской
Печешся отвратить всесильною рукой.

Что слабостямъ Онъ насъ подвергнулъ, всякой шужитъ,
Но недосапокъ сей къ общей пользѣ служитъ.

Онъ далъ дѣвицамъ спыдъ, спесь съ важностью же-
намъ,

Министрамъ спрахаь, и жаръ съ отважношью вождямъ;
Власшамъ далъ гордой духъ и спесь высокошрну,

Народу просшору къ обманамъ лѣковѣрну.
Онъ добродѣтелей плодъ можешъ произвести

Изъ шщенной склонности шѣхъ, кои любашъ честь;
Ни награжденія, ни пользы не желая,

Но суешной хвалы одной снискашъ жада.

Спокойство, радость, честь Онъ нашу утвердилъ
На заблужденіяхъ и недосапкахъ силъ.

Что всѣ зависимъ мы взаимно другъ отъ друга;

Слуга и господинъ, пріятель, мужъ, супруга;

Къ взаимной помощи сіе устроилъ Богъ,

Безсильшвомъ каждаго, чтобъ всѣмъ дашъ силу могъ.

Потреба, слабость, спросишь ту выгоду рождающѣ,
 Что общихъ пользъ союзъ тѣснѣ сопрягающѣ,
 И производящѣ сей желаемой успѣхъ,
 Что каждой нужною считаеши пользу всѣхъ.
 Имѣ должны мы однимъ любовь нелицемѣрну,
 Имѣ радость внутренню, союзъ и дружбу вѣрну;
 Имѣ должны мы всѣ тѣ пріятности свои,
 Что услаждающѣ насъ въ семъ бѣдномъ житіи.
 Для нихъ при старости перемѣняемъ нравы;
 Любовь и прежнія ни во что чшимъ забавы.
 Отъ части немощи, отъ части разумъ самъ
 Въ спокойствѣ ожидая величъ кончины намъ.
 Какой бы спросию пльненны мы ни были,
 Премудрость, славу ли, богатство ль возлюбили;
 То склонности своей оставишь не хотимъ,
 Чтобъ слѣдовать пому, что нравится другимъ.
 Ученый токмо въ помъ считаеши дни блаженны,
 Чтобъ тайны естества извѣдать сокровенны.
 Глупецъ щастливѣе бышь мниши для того,
 Что онъ и имени не знаетъ своего;
 Богатой, на мѣшки свои смотря, ликуешъ,
 И нищій на судьбу не часто негодуешъ.
 Слѣзные пляшучи ногами въ землю бьютъ;
 Хромые пѣсенки съ веселіемъ поютъ.
 Безумной думаешъ, что онъ есть Царь народа,
 И пьяной мниши, что онъ великой воевода.
 Хотя Химикъ съ голоду ужъ хочешъ умирашь,
 Но тѣмъ блаженъ, что мниши онъ золото сыскашь.
 Пивша первымъ чашею себя щастливцемъ въ мірѣ,
 Когда онъ на своей играетъ громкой лирѣ.
 Упѣхи чудныя совокупилъ Творецъ
 Со всякимъ званіемъ и склонностями сердецъ.
 Честное мнѣніе всѣмъ о своей охотѣ,
 Какъ общій другъ, дано по Божеской щедротѣ.
 Какогобъ возрасла, какихъ кто лѣтъ ни былъ,
 Нѣтъ, ктобъ чего нибудь на свѣтѣ не любилъ.

Надежда всякой часъ послѣдуетъ за нами,
 И при концѣ она стоимъ передъ глазами.

По самой смертной часъ различіемъ лучей
Надежда свѣтишь намъ въ ночи печальныхъ дней ;
Ущербъ щастія надежда дополняетъ ,
Не сладко что для чувствъ охота услаждаетъ .
Что здравой разумъ нашъ нелѣпымъ бы почелъ ,
То почиаетъ спрасъ между похвальныхъ дѣлъ .
Веселье наше есть пузырь воды надушый ;
Въ сосудѣ гибнешъ буйствъ чрезъ крашкія минушы .
Какъ ежели одна надежда пропадетъ ,
На мѣсто оныя другая возрастетъ ,
Не просно созданы мы шоль непостоянны :
Все спроишь въ пользу намъ шо Промыслъ нескан-
занный .

Что всѣмъ любовь къ себѣ съ природы врождена ,
Создастелева власъ всему шому вина :
Чтобы мы по себѣ о прочихъ рассуждали ,
Что вредно намъ , шогобъ другому не желали .
Признаемъ же шеперь за истинну сіе ,
Ошрадой будешъ намъ чрезъ наше жиніе ,
Что человекъ хошя безуменъ , безразсуденъ ,
Но Богъ во всѣхъ дѣлахъ премудръ , великъ и чуденъ .

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

О естествозѣ и состояніи челоѣка въ разсужденіи общества.

Признай, о челоѣкѣ! за испинну признай,
И безъ сомнѣнія неложнымъ почишай,
Что Богѣ къ единому концу все направляешъ,
Но разными его пушями достигаешъ.
Хотя бы ослѣпленъ безуміемъ ты былъ,
Кошорое вдохнушь въ насъ можетъ крѣпость силъ;
Хотябъ взнесенъ на верхъ достоинствъ, прославлялся;
Хотябъ богатствами безснѣдно величался;
Великая сія чшобъ правда предъ тобой
И въ ясной день была и въ темношъ ночной;
Но больше пастыри чшобы объ оной знали,
И съ ними вѣрные народы почишали.

Представъ себѣ сей свѣтѣ, что населяемъ мы,
И въ мысли вобрази существѣ несчетныхъ шмы;
Союзѣ сей испышай, что вяжешъ все другѣ съ другомъ,
Что здѣсь внизу и что подъ вышнимъ ешь округомъ;
Взирай, какъ для того шрудится естество,
Чшобъ было съ существомъ въ союзѣ существо.
Часшица малая въ союзѣ со другою
Теперь къ себѣ влечешъ, шо сходишся съ иною;
Взаимной силою къ себѣ другихъ влекушъ,
И сами въ шолѣ же часѣ къ другимъ приснашъ бѣгушъ.
Смошри: матерія, въ цѣшпы облекшисъ разны,
И виды на себя приаявъ многообразны,
Въ средину силишся и центрѣ всея земли.
О смершный! пользѣ здѣсь всеобщей ты внемли.

Что мрущѣ живущіе по времени шоль крапкомѣ,
 Бываютъ жизни шѣмъ другихъ они начаткомѣ;
 И должно жизнь свою единому скончашъ,
 Чшобѣ можно было жизнь другому продолжашъ;
 Какъ естѣли существо едино исчезаетъ,
 То вмѣсто онаго другое наступаетъ,
 По перемѣнкамъ въ жизнь опѣ смерти преходя,
 И паки жизнь свою къ помужѣ концу ведя:
 Подобно какъ пузырь въ естесивенномѣ семѣ морѣ
 Взлетѣвъ, надувшись, къ водѣ спремится вскорѣ.
 Нѣтъ посторонняго на свѣтѣ ничего;
 Всѣ часши вообще зависяшъ опѣ всего.
 Творецъ, что все хранитъ, все наполняетъ властью,
 Всѣ вещи малую съ большею вяжетъ часстью.
 Мы нужны для звѣрей, и нуженъ звѣрь для насъ,
 Приемлетъ и даетъ все пользу въ шомѣ же часѣ.
 Нѣтъ въ свѣтѣ ничего, чшобѣ особливо было;
 Другъ съ другомъ естество всю шварь соединило.
 Предивной цѣпи сей, что утвердилъ Творецъ,
 Скажи, о смертный! мнѣ, нашелъ ли ты конецъ?
 Безумный человекъ! тебѣ напрасно мнишся,
 Что шолько для себя Богъ одного трудится,
 Для роскошей швоихъ и для швоихъ забавъ,
 Чшобъ ты лишь былъ одинъ доволенъ, живъ и здравъ,
 Онъ агнца для себя пишаетъ межъ горами;
 Для агнца равно онъ пестритъ луга цвѣтами.
 Въ швою ли спрекоза угодность шшворитъ,
 Что скачетъ на поляхъ, летаетъ и журчитъ?
 Нѣтъ, радость внутреня и голосъ къ воспѣванью,
 И крыла нудитъ въ ней ко бышрому лешанью.
 Что пѣсенки поетъ шоль сладко соловей:
 Или онъ служитъ въ шомѣ пріятности швоей?
 Нѣтъ, собшвенна любовь къ шому его склоняетъ,
 И горло къ пѣнію охота напругаетъ.
 Но конь хвалу и честь со всадникомъ дѣлитъ,
 Какъ гордой ступью онъ въ позорищѣ бѣжитъ,
 Твоей ли сѣмена всѣ служатъ лишь особѣ,
 Которыя въ земной скрываются шробѣ?
 Всѣ пшшцы хвасшество швое избличатъ,
 И большую себѣ часшь зеренъ удѣлятъ.

Тебѣ ли одному поля плоды приносятъ ?
Ибшѣ, столькожѣ и волю за трудѣ себѣ запросишѣ,
Хоть свиныи трудностей и не причастны сихѣ,
Хотя не слушаешѣ приказовѣ въ помѣ своихѣ;
Хоть не хошишѣ себѣ въ помѣ помочи дашѣ сами,
Однако кормятся своими же трудами.

Природа что на сей ни производитѣ свѣшѣ,
Все то не одному, но всѣмѣ она даешѣ.
Которой кожей звѣрь отѣ мраза прежде грѣлся,
Въ пу нынѣ ужѣ Герой, или Монархѣ одѣлся.
Надменной человѣкѣ кричишѣ, что я одинѣ
Всему тому, что есть на свѣшѣ, господинѣ;
Но гусь отвѣтшвуешѣ: о смертный! лжешѣ напрасно;
Ты созданѣ самѣ на то, чтобѣ мнѣ служилѣ всечасно,
И правда для него коль много намѣ труда,
Пишаемѣ, бережемѣ и грѣемѣ завсегда,
Онѣ видишѣ все сіе, хотя не разумѣешѣ,
Что послѣ пищу за то намѣ бышѣ имѣешѣ.
Но мѣрѣ смысла гусь правдиво мнишѣ сіе,
Не зная, какво намѣренье швое:
За тѣмѣ, что не дано ему шого отѣ вѣка,
Чтобы онѣ проникашѣ могѣ въ мысли человѣка.
Такѣ будешѣ человѣкѣ сѣ симѣ глупымѣ гусемѣ схожѣ,
Когда сѣ нимѣ маѣнне имѣшѣ онѣ будешѣ шожѣ,
Мня, что единому все сдѣлано въ услугу,
А не одинѣ всему земному служишѣ кругу.

Пускай что больше силѣ имѣешѣ предѣ другимѣ,
Тотѣ, побѣдивѣ его, господствуетѣ надѣ нимѣ;
Пусть будешѣ человѣкѣ вселенныя владыка,
И власть его надѣ всѣмѣ созданиемѣ велика;
Однако естество въ немѣ царской духѣ смягчишѣ,
И власть употребляшѣ ширански не велишѣ.
Онѣ пользы всѣхѣ одинѣ живошныхѣ разумѣешѣ,
Попребы знаешѣ ихѣ, о нуждахѣ сожалѣешѣ,
Но яспрѣбѣ, голубя поймавѣ на вышѣ,
Дивишсялѣ крылѣ его пріятной песпрѣшѣ,
И сжалившись надѣ нимѣ для чуднаго убраншва,
Ошпущишѣ ли его онѣ своего шираншва ?

Любуешсяль соколъ наибвомъ соловья ?
 Даешъ ли жизнь ему для нѣжнаго пѣнья ?
 Ворона , червячка нашедши межъ правою ,
 Любуешсяль его крыль чудною красою ?
 Одинъ лишь человекъ жалуетъ обо всѣхъ ,
 И щипишь ихъ снабдишь довольствіемъ ушѣхъ ,
 Сладкопоющихъ птицъ довольствуешь древами ,
 Полями скотъ , и рыбъ прохладными водами .
 Иной стараешься для прибыли объ нихъ ,
 Иной для сладости и роскоши своихъ ;
 Иной лишь для одной къ нимъ суешной охоты
 Готовъ для нихъ сносить всегдашнія заботы .
 Всѣ суешнымъ живущъ стараніемъ господъ ,
 Которыхъ роскошь имъ даешъ довольства плодъ ;
 Они ихъ берегущъ отъ жажды и отъ глада ,
 Отъ лютыхъ имъ звѣрей они всегда ограда ;
 Они ихъ цѣлу жизнь пекутся сохранить ,
 Чтобы имъ голода корыстною не бысть .
 Живоныхъ пѣхъ они и сами почиашъ ,
 Для коихъ похвалы себѣ и чести чающъ .
 Пока они живущъ , пока они дышашъ ,
 Щастливыми они до смерти ихъ чиняшъ ,
 Какъ люди , коихъ всей вселенныя Содѣтель
 За непорочную ихъ любяшъ добродѣтель ,
 Не могутъ чувствовать , ниже узнашь впередъ ,
 Когда живущъ ихъ громъ ударомъ пресѣчешъ :
 Такъ нѣтъ ни одного живоного на свѣтѣ ,
 Чтобы по какой нибудь предвидѣть могъ примѣшъ ,
 Или почувствовать жестокой шопъ ударъ ,
 Когда въ немъ жизненной проспынешъ вовсе жаръ .
 Звѣрь прежде , нежели достигнешъ до кончины ,
 Проводяшъ въ живущъ веселья години ;
 Но можемъ ли и мы шакующъ часъ имѣшъ ,
 Чтобы жизнью наслаждаъ , опослѣ умереть ?
 Творецъ , о твари всей кой равно промышляешъ ,
 Несмысленнымъ звѣрамъ того не открываешъ ,
 Что послѣ должно имъ живущъ окончишь свой ,
 За пѣмъ , что нѣшу въ помѣ имъ нужды никакой .
 Онъ только одному далъ вѣдашь человеку ,
 Что будешъ наконецъ его кончина вѣку .

Однако въ самой пошлѣ ужасной смерши часѣ
О лучшемъ жишии смершь увѣряешъ насъ;
Завѣса, что онѣ насъ послѣдній часѣ закрыла,
Безъ страха ожидашь кончины научила.
И такъ хошь смершь почти ужъ на носу виситъ,
Но смершний сполько же прожитъ, какъ прожилъ,
мнишь.
О чудо! смерши знашь другой Богъ швари не далъ,
Но сполькобъ человекъ о ней разумный вѣдалъ.

Живущій съ славою превыше звѣздъ небесныхъ
Лишенныхъ разума живопныхъ и словесныхъ
Такою силою, шѣмъ свойствомъ одарилъ,
Какую каждому пошребну бышь судилъ,
Чтобъ всѣ и къ шастію чрезъ нихъ могли дойти,
И средства нужныя къ концу изобрѣсти.
Звѣрь не заблудитъся, когда въ пущыиъ рыщетъ,
И предводителя себѣ въ пущи не ищетъ,
Однимъ естесивеннымъ стремленіемъ ведомъ,
Хошь не одаренъ такимъ, какъ мы, умомъ.
Нашъ разумъ коль ни быспрѣ, ни превосходенъ
мнишся,
По большей частіи онѣ роббешъ и сомнишся;
Не отрекаешся порабощеннымъ бышь,
Однако волею не хочешъ онѣ служишь.
Пока не позовушъ, не поидешъ самовольно,
Хошь и позовушъ, несклонноспей довольно.
Стремленье естесства прошенія не ждешъ,
Но само чрезъ себя служишь всегда печешъ;
Оно на всякой часѣ не оспавляшь гошовой,
А разумъ часто лжешъ, хошь ужъ дастъ и слово.
Стремленіе идешъ всегда прямымъ пушемъ,
Но умъ сбиваетъся въ печеніи своемъ.
Двѣ силы видимъ мы во всѣхъ одушевленныхъ,
Стремленья и ума, естесивенно опшбнныхъ;
Но намъ стремленіе и съ разумомъ дано:
Звѣрямъ стремленіе позволено одно.
Пускай кто разумъ нашъ стремленья выше ставитъ,
Но человекъ умомъ, стремленьемъ самъ Богъ правитъ.

Кто научилъ звѣрей искусство то имѣть,
 Чтобъ, обошедши ядъ, похребное брать въ сѣдѣ ?
 Звѣрь прежде, спрашныя предвидѣвъ непогоды,
 Что будутъ колебать морскія въспромъ воды,
 Крѣпимъ себѣ берлогъ на берегу морскомъ,
 На зыблющемъ пескѣ надежной строимъ домъ.
 Коль хитро плещь паукъ умбелъ паушину !
 Дивися волосковъ ты равенству и чину ;
 Не знаетъ правилъ онъ, линейки также нѣтъ,
 Но прямо такъ Моавръ едва ли проведетъ.
 Что бусель, славному Колумбу подражая,
 И крылья дерзосно на воздухъ проспирая,
 Летаешь безъ труда къ невѣдомымъ странамъ,
 Скажи, кто научилъ шоль чуднымъ ихъ дѣламъ ?
 Кто собираешь ихъ ? кто выходъ назначаешь ?
 Кто учреждаетъ строй ? кто пушь ихъ управляетъ ?
 Богъ въ самомъ существѣ всѣхъ видимыхъ вещей
 Скрылъ счастья сѣмена и ихъ блаженныхъ дней ;
 Богъ всѣмъ имъ предписалъ тѣ твердые предѣлы,
 Когда родиться, какъ окончить дни веселы.
 Когда еще сперва Богъ свѣтъ сей созидалъ,
 Къ спокойству общему ужь средства избиралъ ;
 Въ взаимныхъ нуждахъ Онъ взаимное блаженство
 Изволилъ положишь и міра совершенство.
 Сей Божеской законъ хранишься будешь въ вѣкъ,
 Чтобъ съ шварью шварь, съ людьми былъ связанъ
человѣкъ

Все, что надъ твердою ни есть и подъ водами,
 Что есть на воздухъ, въ лѣсахъ и межъ горами,
 Пипаетъ еспесиво по жизненнымъ огнемъ,
 Раждая сѣмена зачатія имъ всѣмъ.
 Не шокмо челоуѣкъ, но что въ лѣсахъ, въ пущыиъ,
 Что есть на воздухъ, что плаваетъ въ пучинѣ,
 Все любитъ то себя сердечно самого,
 Но не единственнно и шолько одного.
 Живошнымъ общій сей законъ дала природа
 Бышь склоннымъ и къ тому, кто съ кѣмъ шого же
рода ;

Но не кончается веселіе ихъ тѣмъ,
 Чтобы соединясь, забышь его совсѣмъ ;

Любовь еще расстеть; другъ друга ищущъ снова,
Или коль нѣтъ того, такова же другова.
И такъ другъ другу долѣ взаимно опдающъ,
Другъ къ другу должности безъ тяжести несущъ.
Ошцы хранящъ дѣшей ошъ всѣхъ вредовъ прилѣжно,
Нипающъ машери и согрѣвающъ нѣжно.
Когдажъ придущъ въ лѣпа способные пшенцы,
На волю и самихъ пускающъ ихъ опцы,
По воздуху лешашъ, въ пустыняхъ жишь и въ полѣ,
И дѣлашъ, чино хощашъ, по собственнѣйшей ихъ волѣ.
Здѣсь кончится къ дѣшамъ родительская спрасшъ,
Ихъ шщаніе, союзъ, смонрѣніе и властшъ;
Тогда всѣ къ новому обьяшю спремашся,
И новую любовь начашъ съ другими шщашся,
Совокупляющъ, раждающъ новой плодъ,
И непрерывно свой разпрощраняющъ родъ.

Ни людамъ не дано ошъ Бога силы оной,
Чтобы самимъ себѣ бышь въ дѣшнѣйшей оборонѣ;
Мы больше пребуемъ смонрѣнія и шруда,
Чего для и союзъ шѣснѣ нашъ всегда.
Любовь и польза сей союзъ соединяющъ,
А рассужденіе и разумъ укрѣпляющъ.
Въ взаимной склонности начало онъ берешъ;
Избраніе предѣлъ спремленію даешъ.
Для пользы общія велѣлв вещей Содѣшель,
Чтобъ всяка спрасшъ вела съ собою добродѣтель.
Привычка, надобность и недоспашокъ силъ
Другъ другу помогашъ взаимно научилъ.
За ошраслю идешъ другая ошрасль слѣдомъ:
Кшо прежде самъ былъ вшукъ, шощъ спалъ другому
дѣдомъ.

Ошцамъ любить дѣшей обычаи велятъ:
Къ ошцамъ имѣшъ любовь природа училъ чадъ.
Но только на ноги лишь дѣши спановашся,
Внезапно слабости родителей дивашся,
Чшо коимъ должны жизнь, дыханіе и свѣтъ,
Въ шѣхъ силы ко своей зашщитѣ больше нѣтъ;
И помня, чшо объ нихъ опцы сперва радѣли,
Чшо въ малолѣтствѣ ихъ шщаніе имѣли,

И зная, что и имъ самимъ когда нибудь
 Безсильства, старости и скорби не минуть ;
 Пекущая заплакишь отцамъ за трудъ трудами ;
 Въ изнеможеньѣ ихъ не оставяюшъ сами.
 И такъ предвѣденье, любовь къ своимъ отцамъ ;
 И память средствѣмъ даны отъ Бога намъ ;
 Чтобъ пользу общую шѣмъ больше укрѣпляли,
 И силу одной родъ смертныхъ сохраняли.

Не представляй того, о человекъ! въ умѣ,
 Что по созданіи оспалась пварь во шѣмъ ;
 То царство Божіе, Его правленіе было ;
 Его все естество великія хранило.
 Любовь къ самимъ себѣ вдругъ съ міромъ родилась ;
 И съ ними же любовь къ другому началась.
 Единствомъ связаны всѣ вещи были чинно,
 И купно сопряженъ былъ смертный во едино.
 Надменныхъ гордостью памъ не было людей,
 Ни хитрыхъ вымысловъ, которы служашъ ей ;
 И звѣрь и человекъ въ лѣсу единомъ жили ;
 Обиды никакой другъ другу не чинили ;
 Подъ шѣмъ же деревомъ спокойный сонъ былъ имъ ;
 И столъ одинъ, одна постеля обоимъ ;
 Не кровню тогда одежду наживали,
 Для пищи никогда другихъ не убивали ;
 Тогда былъ общій храмъ — колеблющійся лѣсъ,
 Въ которомъ вознося свой голосъ до небесъ,
 Въ усердныхъ похвалахъ всѣ швари Бога пѣли,
 Которы къ пѣнію способности имѣли.
 Не златомъ, не серебромъ сей храмъ былъ изпещренъ,
 Ни агнцовъ кровью невинныхъ обогренъ ;
 Священникъ былъ тогда чистъ, святъ и благочиненъ,
 Продажи и убійствъ ни мало не повиненъ.
 Съ почтеньемъ вѣрила и твердо знала пварь,
 Что промыслъ обо всемъ имѣетъ вышній Царь.
 Честь наша въ шомъ была, чтобъ управлять граж-
 данствомъ

По справедливости, не измощаешь пиранствомъ.

Коль нынѣ человекъ различенъ отъ того,
 Что при началъ былъ созданія всего!

Наполненный пиранъ жестокою звѣрской,
 Пол - жизни нашей онъ пемной гробъ и мерской;
 Злодѣй, ярящійся на само ещесиво;
 Вокругъ его спойшѣ плачь, слезы, сиротство.
 Не только онъ другихъ злодѣй и кровопійца,
 Но купно и себѣ измѣнникъ и убійца;
 Чрезмѣрной роскошью, чрезмѣрнымъ пишемъ,
 Самъ опдаешѣ себя въ корысть болѣзнямъ всѣмъ.
 Сама кровь, коею упился онъ безспудно,
 За бѣдныхъ мститѣ ему до смерти правосудно.
 Всѣ спраспи, бѣшенство, смущенье и боязнь
 Отъ первыхъ сихъ убійствѣ родились людямъ въ
 казнь,
 И мучашѣ смерпнаго, поль люшую звѣрину,
 Собою же самимъ, какъ бѣдспвій всѣхъ причину.

Разсмотримъ здѣсь, какъ мы сперва отъ есте-
 сшва

Помалу до наукъ дошли и мастерства.
 Разсудокъ слѣдовалъ природному спремленью;
 Сей къ нашему былъ гласъ напуры насшазленью:
 Чшобъ бышь вамъ, говоритѣ, безъ нужды въ жизни
 сей,

То насшавленіе возьмите отъ звѣрей,
 Какъ пицу брашѣ сѣ деревъ, у пицицъ вы научитесь;
 Чшобъ вѣдать силу правъ, шо у звѣрей спроситесь.
 Пчела покажетѣ вамъ, какъ дома созидатѣ;
 Крошѣ, землю какъ оратѣ, а червь научитѣ шкати,
 Какъ плаватѣ, Навпулюсь насшавитѣ васъ не
 шрудно;

Какъ вѣшпромѣ двигатѣся и какъ поспроитѣ судно.
 Внемлите только вы живопныхъ бышю:
 Всѣ средства найдете въ нихъ къ вашему житью.
 Здѣсь грады подѣ землей къ спокойшвию служащи,
 Тамъ села межъ деревесъ на воздухъ висящи;
 Народовъ малыхъ сихъ вы вышмоприше нравъ,
 Ихъ учрежденіе, обычай и ушавъ.
 Познайше муравьевъ республику прилѣжныхъ,
 И царство пчелъ, въ дѣлахъ искусныхъ, чудныхъ,
 илѣжныхъ;

Какъ безъ Царя храняшъ порядокъ муравьи,
 Сбирая въ общій домъ сокровища свои;
 Какъ пчелы, хощъ Царя имѣющъ надъ собою,
 Но вмѣстѣ не живутъ опнуодъ одна съ другою;
 У каждыя свое имѣніе и домъ;
 Довольны всѣ своимъ, и нужды нѣшъ въ чужомъ.
 Примѣшше вѣчные уставы и законы,
 Что обществъ и весь народъ содержишъ оный —
 Законы мудрыя, какъ само естество,
 И непрѣмные, какъ рокъ и Божество.
 Напрасно силишся швой умъ сошкапъ ихъ шонъ,
 И правду утвердишъ на шпрогомъ семъ законъ.
 Уставы и суды и шпрогосшъ правъ швоихъ
 Бываютъ иногда съ обидою другихъ.
 Законъ швой слабъ всегда для знашнаго гражданства,
 Для бѣдныхъ шпрогъ весьма, несноснѣе шيرانства.
 Поди, и надъ людьми шеперь будь всѣми Царь;
 Премудрѣйшій пускай другую правишъ шварь.
 За шѣ художества, что взялъ пы у живописныхъ,
 Вѣнецъ шибѣ дадутъ народовъ шьмы шещошныхъ;
 Послушны будутъ всѣ приказу швоему,
 И будутъ кланяшся какъ Богу самому.

Когда слышали сей громкой гласъ природы,
 Послушались ея велѣнія народы,
 Создали города и общества ввели;
 Правленія по шамъ, по индѣ возрасли;
 Изъ многихъ областей составили едину,
 Къ чему любовь, или страхъ подали причину.
 Въ иной странѣ плоды пріятныя расшутъ,
 Въ другой источникъ цѣлительны текушъ.
 Что брань бы разоритъ могла и уничтожитъ,
 То можетъ все союзъ съ излишествомъ умножитъ.
 За то, чтобы одинъ врагомъ другому былъ,
 Другъ съ другомъ въ дружество взаимное вступилъ.
 Любовь съ обществомъ швердѣйшей цѣпью стали,
 И смертныхъ межъ собой шѣснѣ сопрягали,
 Когда еще любовь свободно была,
 И за законъ одну природу только чла.

Сіе было градовъ и селъ шогда начало ,
 Отсюду общество помалу возрастало .
 О Царскомъ имени ницшо шогда не зналъ ,
 Преспшала , скипешра , державы не видалъ ,
 Покамѣстѣ общая ихъ польза возбудила ,
 И одному вручишь власть полну научила ;
 Похвальны качества и благородной духъ ,
 Чтшобъ пользу умножать съ художествами вдругъ ,
 Войны не начинашь ни по какому виду ,
 Какъ чтшобы отшвратишь отъ подданныхъ обиду ;
 Едина лишь сія отшмѣнность отъ другихъ ,
 Чшо отшдаешъ отшцамъ во власть дѣшей своихъ ,
 Давала людямъ честь и дѣлала Князьями ,
 Чшобъ были подданнымъ своимъ они отшцами .

Но прежде шѣхъ временъ былъ каждой Папрі-
 архъ

Въ фамилии отецъ , Священникъ и Монархъ ,
 Рукою самыя природы увѣнчанный ,
 И покровителемъ всей челяди избранный .
 Слуги его себя вѣряли шакъ ему ,
 Какъ будшо промыслу и Богу самому ;
 На очеса его какъ на законъ взирали ,
 И слово каждое пророчествомъ считали .
 Онъ пици научилъ въ браздахъ земныхъ искать ,
 Удерживать спруи , огонь упошреблять ,
 Чудовищей ловишь среди морей глубокихъ ,
 И сманивать орловъ въ низъ съ облаковъ высокихъ .
 Когдажъ онъ наконецъ сталъ немощенъ и старъ ,
 И жизненной проспылъ въ ослабшихъ членахъ жаръ ,
 Оплакивали рокъ шого въ спенаньи многомъ ,
 Кшпшораго они сперва считали Богомъ .
 По томъ , переходя отъ одного отшца
 Къ другому , общаго спарались знашь Творца .
 Одинъ у одного объ ономъ вопрошали ,
 И за отшца Го первѣйшаго считали .
 Отшцы своимъ дѣтямъ преданіе сіе ,
 Чшо свѣшъ сей прѣведенъ отъ Бога въ бышіе ,
 Какъ будшо бы изъ рукъ передавали въ руки ,
 И сообщали всѣмъ сей верхъ всея науки .

Всѣ вѣдали, что есть иное нѣчто шварь,
 Иное швари всей Творецъ, Господь и Царь.
 Умъ множества богвѣ не могъ тогда предшавить,
 Зналъ Бога одного, Его спарался славить,
 За шѣмъ, что умъ нашъ былъ тогда не развращень,
 И буйшва шемношой еще не ослѣпленъ.
 Подобный чловѣкъ Творцу нашелъ не шрудно,
 Что въ свѣтѣ все добро, красно, премудро, чудно;
 Съ веселиемъ дѣла благія исполнялъ,
 И въ Богѣ щедраго Опца онъ признавалъ;
 Вся вѣра, должность вся, и всѣ дѣла благія
 Зависѣли тогда лишь опъ любви честныя.
 Законовъ Божескихъ не знало ешество,
 За шѣмъ, что всѣ благимъ считали Божество,
 И казни никакой опъ Бога не боялись,
 Но всѣ на мнѣнии единомъ ушверждались,
 Что не лъзя бышь, чтобъ всѣхъ существъ Глава и Богъ,
 Не первѣйшимъ добромъ, но зломъ бышь швари могъ.
 И вѣра правая и доброе правленъе
 Имѣли межъ собой тогда соединенъе:
 Та знакъ была любви къ Творцу вселенной всей,
 Сіе признакъ любви ко ближнему своей.

Кто подлымъ шѣмъ душамъ, пропадшимъ шѣмъ
 народамъ ?
 Далъ первой поводы шакимъ повѣривъ сбродамъ ?
 Кто мнѣнья научилъ держаться ихъ сего,
 Что будно многіе живущіе для одного ?
 Откуда въ головахъ вселилося народныхъ
 Извѣшье сіе опъ общихъ правъ природныхъ,
 Что гордостію весь опровергаешъ свѣтъ,
 На самага Творца продерско возшаешъ ?
 Насильштво немощныхъ сперва порабощило,
 Потомъ свои на нихъ законы наложило;
 Потомъ сталъ чловѣкъ безумный суевѣръ,
 И вздумалъ почиташъ Немврода выше мѣрѣ.
 Такъ суевѣріе, власть раздѣливъ съ ширанствомъ,
 Обовладѣло всѣмъ несмысленнымъ гражданшвомъ,
 И Богомъ помогло почти ширанну бышь,
 Принудило гражданъ какъ плѣнниковъ служить,

Упошребивъ къ своей блескъ молнійный пошребъ,
И спрашный грома звукъ ревущаго на небъ,
Сшешаніе земли, прясенъе швердыхъ горъ,
Чшобъ спрахомъ ослабпипъ народовъ умныхъ взоръ,
И разумъ ихъ склонишь боговъ къ почшенъю мни-
мыхъ,
Кощорыхъ чли виной всѣхъ дѣйствій въ свѣтѣ зримыхъ;
Вперило людямъ въ умъ, что съ молніей всегда
Снизходящъ боги къ намъ отъ горнихъ мѣстъ сюда;
Когдажъ разсядется земля, шо всѣ чудища
Къ намъ идущъ въ скважины изъ адскаго жилища;
Чшо естъ на небесахъ веселія мѣста,
Чшо подъ землею спрахъ, печаль и тѣсноша.
Спрахъ вымыслилъ бѣсовъ, и къ нимъ приспавилъ
роги,

Надежда родила боговъ толпы премноги,
Чшо можно на свою ихъ спорону склонишь,
Чшо могутъ пировать и гнѣваться и мспипъ;
Подвержены спраснямъ, въ судахъ несправедливы,
Нѣтъ постоянства въ нихъ, обманщики, кичливы;
И придавали всѣ тѣ качества богамъ,
Какія вымыслишь лъзя было ихъ умамъ;
Чшо боги всѣ сердца шيرانскія имѣютъ,
Чшо нѣтъ въ нихъ къ намъ любви, но завистью чер-
нѣютъ;

Чшо гордость царствуетъ одна на небесахъ,
Чшо въ адскихъ ненависть господствуетъ мѣстахъ.
Тогда и небо чшитъ священнымъ перестали,
Но храмы на земли и капища создали,
Воздвигли олшари, украсили сребромъ,
Омыли идольской весь агичей кровью домъ,
Сперва жрецы звѣрей кумирамъ приносили,
Но послѣ и людей колощъ не пощадили;
Ударомъ громовымъ всѣ грады на земли,
Абса, моря и всю вселенную прясли,
И имя Божіе въ машину превращали,
За кою всѣхъ своихъ пропивниковъ пугали.
Вотъ коимъ образомъ любовь къ себѣ самимъ,
Служа единшвенно лишь выгодамъ своимъ,

Не зря ни на законъ, ни на народны правы,
Искала роскоши, богатства, силы, славы.
Но шажь сама, по всѣмъ разпроспранясь, любовь
Причины подала полезнѣйшія вновь,
Чтобъ вольности въ ея желаніяхъ убавишь;
Сей поводъ былъ сперва законъ и власть поставишь.
Представь, что многіе желаюшъ шѣмъ владѣшь,
Что нравишся себѣ, что хочешь ты имѣшь;
Скажи, дѣйствительноль безъ сихъ законовъ стро-
гихъ

Желаніе твое противъ желанья многихъ?
Имѣніе свое ты могъ либъ удержишь,
Когдабъ сильнѣйшій могъ по наглостью опнять,
Или безсильнѣйшій возмогъ бы шайно вынуть,
Когда ты ляжешь сномъ пріятымъ опочинушь?
Любовь къ спокойствію должна была предѣлъ
Поставишь вольности самоугодаыхъ дѣлъ.
Желанье тишины народъ соединило,
Чтобъ цѣло сохранишь все то, кому что мило.
Симъ точно образомъ Владѣтель, Царь и Князь,
Лишишся своего спокойствія боясь,
Бываешъ подданнымъ правдивъ, сосѣдамъ вѣренъ,
Всѣмъ милосивъ и щедръ, открышъ, лицемѣренъ;
Печется прежнюю онъ вольность удержишь,
И самолюбія спремленье обуздашь;
И каждой собственно считаешъ въ томъ блаженство,
Чтобъ видѣшь въ обществѣ покой и благоденство.
Сія къ всеобщему спокойствію любовь,
Высокой духъ въ себѣ имѣющимъ и кровь,
Или нелѣбно къ наукамъ прилѣжающимъ,
Иль къ людямъ и Творцу любовію горящимъ
Писаедемъ святыхъ законовъ мысль дала,
Чтобы возстановить имъ добрыя дѣла,
И вѣру правую возобновишь въ народѣ,
Что прежде были намъ открышы по природѣ,
Не новой воспалишь огонь въ сердцахъ людскихъ,
Но старой лишь раздушь, кой началъ гаснуть въ
нихъ,
За шѣмъ, что подлинно Творца не описали,
Но только видѣ и шѣнь едину показали;

И грубость научишь употребленью правъ,
Чтобъ Царь и подданный исправилъ дикой нравъ,
И волъ онъ своей не снисходилъ бы много,
Нижебы содержалъ ее чрезмѣрно строга;
Чтобъ малое съ большимъ въ согласіи имѣлъ,
И одному вреда, другаго не задѣлъ;
Чтобы прошивныя всѣ пользы межъ собою
Со осторожностью соединялъ шакою,
Чтобъ сдѣлать общество во всѣхъ частяхъ соглас-
нымъ,

И утвердишь бы все спокойствомъ безопаснымъ.
Такой великой чинъ вселенныя всея
Зависитъ онъ того, чтобъ вся пшарь виупрь ея
Въ единствѣ межъ собой была безперерывномъ,
Въ всеобщей спройности, въ согласіи предивномъ,
Гдѣ съ малымъ бы большой и съ сильнымъ немоцной
Во общемъ были всѣ союзъ межъ собой,
Взаимную себѣ чинили бы услугу,
Не нанося вреда ни малаго другъ другу;
Гдѣ каждой сполько бы сильнѣе былъ другихъ,
Чѣмъ больше пособлять онъ долженъ нуждамъ ихъ;
Тѣмъ больше щастья самъ имѣлъ бы всякъ во власни,
Чѣмъ больше долженъ дать другимъ желанной части;
Гдѣ вся бы къ одному концу спремилась пшарь,
Звѣрь, Ангель, человекъ, рабъ, господинъ и Царь.

Пусть хрипнушъ буйные онъ споровъ необыч-
ныхъ,

О родахъ, выгодахъ правленія различныхъ;
Но мнѣню моему, гдѣ больше пользы есть,
Тотъ долженъ родъ имѣть и превосходства честь.
Кпо хочетъ, споритъ пусть онъ ревности чрезъ
мѣру,

Которую почестъ всѣхъ должно лучше вѣру;
Котора главному концу всегда вредитъ,
Та вѣра на себѣ имѣетъ ложной видъ;
Но коя надлежитъ къ блаженству смертныхъ рода
И къ исправленію обычаевъ народа,
То вѣра почное есть врачество души;
Тотъ подлинной законъ; въ немъ нѣтъ ни малой лжи.

Безъ пычекъ виноградъ какъ цвѣсть не можетъ
въ лѣтѣ.

Такъ намъ безъ помощи не можно жить на свѣтѣ;
Тотъ силу опъ подпоръ, мы опъ людей беремъ,
И купно сами имъ пособіе даемъ.

На пользу общую смотря съ начала вѣка,
Природа два влила движенья въ человѣка:

Одно до каждаго спремится самага,

Другое надлежитъ до всѣхъ и до всего:

Подобно какъ шѣла планетъ и звѣздъ согласно

Вкругъ осей собственныхъ вертяшся ежечасно,

Но купно движущя вкругъ солнца пошъ же часъ,

Двойкой пушъ въ одинъ перебѣгая разъ.

Чрезъ средствя сіи природа и Создатель,

Всемощный твари всей Господь и Обладатель,

Связали чудной сей вселенныя сославъ,

И сей законъ внесли въ превѣчныхъ книгу правъ:

Чтобъ къ обществу любовь съ своею не раздѣляли,

Но обѣ сѣдинивъ, едино сославляли.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

*О естествѣ и состояніи чловѣка въ разсужденіи
перваго благополучія.*

О щастье, нашихъ цѣль желаній и конецъ!
Покой, довольство ли, пріятность ли сердецъ!
Какое бы тебѣ названіе ни было,
Для одного тебя жишь намъ наше мило;
Для одного мечи, пирансва, муки, гладъ,
И смерти самыя ни мало не спрашаѣ.
Не знаемъ швоего ни имени, ни свойсва,
Что ты за вещь, что въ насъ раждаешь безпокой-
сва.

Всегда ты близко насъ, далеко завсегда;
Гдѣ нѣтъ, шушь всѣ тебя мы ищемъ безъ плода.
Являешь ты свой видъ разумнымъ ежечасно,
И глупымъ видишься, однако всѣмъ не ясно.
О вѣщъ небесная! когда ты на земли,
Скажи намъ, гдѣ растешь, вблизи, или вдали?
Между ли Царскими порфирами блиспаешь?
Иль вгупрь земли себя межъ бисеровъ скрываешь?
Или межъ лаврами Парнасскими цвѣтешь?
Иль въ полѣ Марсовомъ серпы и жавы ждешь?
Гдѣ ты растешь? гдѣ нѣтъ? когда нашъ трудъ не
кшапи,
✓ Мы въ жавѣ, не земля, безплодной виноваты.
О щасть истинномъ не должно разсуждашь,
Что можно только здѣсь, иль шамъ его сыскашь;
Но или нѣтъ нигдѣ, или есть въ каждой часпи,
Вещъ вольная, купишь его не въ нашей власпи.

Бѣжишь отъ Царскаго оно преспола прочь ;
Съ шобою , Болинброкъ , живешь и день и ночь .

Спроси ученыхъ : гдѣ путь къ первому блажен-
ству ?

Подверженъ спорамъ ихъ ошвѣтъ , несовершенству .
Одинъ совѣтуешь , чтобъ всѣмъ слугою быть ;
Другой , не знашь людей и дикимъ звѣремъ жить ;
Сей счастье въ дѣйствии всегдашнемъ полагаешь ,
Другой въ спокойствіи глубокомъ заключаетъ ;
Тотъ счастье роскошью и сладостью зоветъ ,
Сей удовольствіе души за счастье чтетъ .
Всѣ описанія хотя словами разны ,
Хоть видъ поверхнощей имѣющъ несогласный ,
Но дѣломъ ихъ на то несходство сведено ,
Что счастье есть ничто , какъ счастье лишь одно .
Тотъ мѣсто роскошамъ даетъ въ такомъ предѣлѣ ,
Гдѣ бы не чувствовать ошнюдь болѣзни въ шѣлѣ ;
Другой , не зная , гдѣ предѣлы ушвердинъ ,
Въ глубокомъ принужденъ сомнѣнья мракъ быть ;
Приходишь иногда до мнѣнія шакова ,
Что въ добродѣтели нѣтъ счастья никакова .
Оставимъ буйныя мы мнѣнія людей ,
Держаться лучше намъ естественныхъ путей .
Не можно смертному ни одному сыскашься ,
Чтобъ счастья не могъ себѣ онъ дожидаться .
Природа подала надежду къ счастью всѣмъ ;
Есть средства каждому довольствоваться шѣмъ .
Не за просшранными искашь его морями ;
Оно у всякаго лежишь передъ глазами .
Лишь только должно намъ свой разумъ просвѣщать ,
И волю отъ худыхъ желаній ошвращать .
Пусть о неравенствѣ кто доль различныхъ шужитъ ,
Что счастье больше шѣмъ , другимъ не столько слу-
жишь ;
Всѣ равно счастье имѣющъ точно такъ ,
Какъ равной смыслъ простой врожденъ имѣешь всякъ .
Знай , что во всѣхъ дѣлахъ Господь , сей миръ со-
здавый ,
Не особливья хранишь , но общи правы .

Прямое щасье Онѣ не въ щасьи одного
Изволилъ положить, но въ щасьи всего.
Нѣтъ щасья, кое бы такъ одному давалось,
Чтобъ къ обществу оно хоть мало не касалось;
Ни сильный властью надъ подданными Царь,
Ни землю орющій для податей пахарь,
Ни скрывшійся монахъ въ безмолвіи въ пущынь,
Не можетъ щасливъ быть, самъ только на единѣ.
Тѣ сами, опъ людей что бѣгать намъ велятъ
И взоръ людской считать за смертоносной ядъ,
Спараются сыскать, ктобъ нравамъ ихъ дивился,
И другомъ бы имъ быть неліцебрымъ щился.
Когда не будемъ мы о славѣ разсуждать,
И станемъ мнѣнія о насъ всѣ презирать,
То весь пріятности вкусъ потчасъ ослабѣетъ,
Умалится и честь, и слава потемнѣетъ.
Имѣетъ должна часть всякъ щасья своего;
Кто больше получить старается того,
То съ сожалѣніемъ извѣщенъ послѣ станетъ,
Что удовольствія и въ полы не досанетъ.

Порядокъ первый есть Создательнъ законъ,
Которой ежели исполнишь долженъ онъ,
То должно людямъ всѣмъ конечно быть неравнымъ,
Но знавшимъ одному, другому же безславнымъ;
И нужно, чтобъ одинъ другихъ превосходилъ
Богатствомъ, разумомъ и крѣпостию силъ.
Но заключить ошель нѣтъ съ общимъ смысломъ
сходства,
Что потъ щасливѣе, въ комъ больше превосход-
ства.

Хоть Богъ дары свои не всѣмъ равно даетъ,
Однако для того неправости въ Немъ нѣтъ.
Неравенство даровъ ни мало не мѣшаетъ;
Чрезъ слабость каждаго всѣхъ цѣлостъ укрѣпляетъ.
Что каждо существо имѣетъ равной видъ,
Спокойство въ естество Создательнъ тѣмъ крѣпитъ.
Ни обстоятельство, ниже друга причина
Не можетъ премѣнить сего въ природѣ чина.

Царь , рабъ , предстатели , шерпящiе напасть ,
Любимый и любяй , всѣ пужь имбюшъ часть ;
Творецъ какъ общу жизнь во всѣ влилъ части свѣшу ,
Тогда и къ щастью далъ всѣмъ общую примѣшу .
Когдабъ Онъ даровалъ едино щастье всѣмъ ,
И ниже не былъ бы никшо ни передъ кѣмъ ,
Коль много было бы межъ нами неустройства ,
Всегдашнихъ браней , распръ , мятежей , несокойства!
И шакъ когда добра Богъ всѣмъ желаетъ намъ ,
И по невѣдомымъ ведетъ къ шому судьбамъ ,
То наше щастие , вещь шоль неоцѣненну ,
Не можешъ положишь въ вещахъ , служащихъ шлѣну .

Которы случай намъ слѣпой дары даетъ ,
Въ шѣхъ ниже равенства , ниже единства нѣтъ ;
Однихъ за щастливыхъ и знашныхъ признавають ,
Другихъ за подлыхъ лишь и бѣдныхъ почиаютъ .
Но правость Божескихъ вѣсовъ чрезъ то явна ,
Чшо страхъ однимъ , другимъ надежда подана ;
Не наспоющее въ нихъ щастье и напасти
Раждаютъ радости , или печали спрасти ,
Но чувство будущихъ премѣнъ благихъ , иль злыхъ
Движенья шѣ сердецъ раждаетъ въ обоихъ .

Скажише , смершные , оцашь ли горъ громадъ
Другъ на друга взвалишь и умножатъ досады
Хошише вы Творцу , желая выше звѣздъ
Ворваться силою внутрь неприступныхъ мѣстъ ?
Безумны ваши въ смѣхъ Господь совѣшты спавишъ ,
Онъ шѣми же и васъ горами всѣхъ подавитъ .

Познай , что все добро , которымъ человекъ
Здѣсь можешъ въ временной сей наслаждаешься вѣкъ ;
Все шо , что самъ Творецъ и щедрая природа
Приготовила къ веселю народа ;
Всѣ шѣ прiятности , чшо мысли веселятъ ,
Всѣ сладости въ сихъ прехъ вещахъ лишь состоятъ ;
Въ пошребахъ жишiя , во здравii шѣлесномъ ,
Пошомъ въ спокойшви надежномъ и нелешномъ .

Чрезъ воздержаніе мы можемъ здравы быть,
Чрезъ добродѣтели спокойство получимъ.
Благія щастія всѣмъ получишь возможно,
И добродѣтельно живущимъ и безбожно;
Но сладость сихъ благихъ пѣмъ меньше есть вкусна,
Чѣмъ больше мерзостью чья мысль заражена.
Представь въ богатствѣ двухъ живущихъ и про-
хладѣ :

Кто большимъ бѣдспвіямъ подверженъ и досадѣ?
Которой держится благихъ и правыхъ дѣлъ?
Или въ нечистотѣ которой затвердѣлъ?
Кто бѣденъ? кто щастливъ? Грѣховъ погрязшій въ
калѣ,

Иль убѣгающій отъ всѣхъ пороковъ далѣ?
Кто сожалѣнія достойнѣе изъ нихъ?
Кто милость зашворилъ себѣ въ сердцахъ людскихъ?
Сравни пѣ выгоды, которыхъ нечесливымъ
Достигнушь можно здѣсь пушемъ несправедливымъ;
Увидишь, что другой, хранящій правый путь,
Бѣжитъ, гнушается на оны и взглянушь.
Дай злomu щастье все, всѣ роскоши, пріятства,
Которыхъ хочешь онъ достать чрезъ святошашства;
Всегда одинаго ему недостаешь,
Что онъ бездѣльникомъ, а не честнымъ слывешь.
Но буйство мрачное, ни истинны не зная
И всѣхъ сложенія вещей не понимая,
Порокамъ добрую приписываетъ часть
А добродѣтелямъ нещастье и напасть.
Кто лучше вѣдаетъ составъ всея вселенной,
И проникаетъ въ чинъ всей твари непремѣной:
Тотъ лучше вѣдаетъ и къ щастію пуши,
И можетъ самъ къ нему удобнѣе дойти;
Тотъ буйства зараженъ самъ ядомъ душевреднымъ,
Кто мужа добраго названъ дерзаетъ бѣднымъ,
Случайныхъ ради бѣдъ и временныхъ пѣсношъ,
Которымъ весь судьба подвергнула народъ.
Представь Фалкландовъ рокъ, что жилъ поль непо-
рочно,
И правду шужъ носилъ въ усахъ и въ сердцѣ
почно;

Представь Тюреново величество въ очахъ,
Что выше жребія былъ смертныхъ, нынѣ прахъ;
Представь Сиднеевой дражайшей крови токи,
Что пролилъ на поляхъ межъ шруповъ Марсъ же-
стокой;

Льзять рокъ ихъ качествамъ высокимъ приписать
И добродѣтель ихъ виной тому назвашь?
Не благородноелъ презрѣніе драгія
Ихъ жизни привело въ несчастія такія?
О нашихъ слезъ вина! любезный нашъ Дигбей!
Цвѣшъ красный юности и честь молодыхъ людей!
Ни въ комъ такихъ даровъ отъ вѣка не бывало,
Какія естество въ швой бодрой духъ вліяло;
Но добродѣтель ли швоя тому виной,
Что прежде времени животъ пресѣкъся швой?
Когда для дѣлъ честныхъ злой рокъ постигнулъ
сына,

Почто досель цвѣшетъ отеческа сѣдина?
Почто до старости глубокой онъ достигъ,
И честью для заслугъ почтенъ живешъ своихъ?
Почто Марсельской шѣхъ Епископъ дней достигнулъ,
Какъ вредну язву вѣшрѣ со всѣхъ сторонъ воздви-
нулъ,

И ослабѣвшее народу естество
Болѣзни нанесло, печаль и сиротство?
Почто поль долго мать моя живешъ честная?
(Но можешъ ли долга назвашься жизнь какая?)
Почто она живешъ поль долго въ жизни сей,
Для помощи сиротъ, для радости моей?

Естественное зло откуда происходитъ,
И что между людей зло нравственное вводилъ,
То само естество во свѣтѣ произвело,
Сіе отъ нашей злой воли возрасло;
Создатель шворить худова не возможно;
Природа иногда грѣшилъ неоспорочно.
Или межъ самыми премѣнами вещей
Вмѣшавшись мнимо зло, видѣ ложно кажешъ сей.
Но смертный оскорбленъ зломъ онымъ, въздыхашъ,
И жалобой его напрасно умножаешъ.

Что Авеля дерзнулъ безвинно братѣ убишь ,
Мы можемъ сполько же за шо Творца винишь ,
Какъ и за шо , что сынѣ , имѣя добры нравы ,
Но члены чувствуетѣ тѣлесныя нездравы ,
Для крови вредныя , кошорую въ него
Опецѣ изѣ слабого влилѣ тѣла своего.
Возможноль разсуждашь о Богѣ шоль нелѣпо ,
Чтобѣ Онѣ , подобяся Царямѣ , шворящимѣ слѣпо ,
Хотѣль законы всѣ , весь чинѣ перемѣнишь ,
Чтобы шѣмѣ одному лишь другу угодишь ?
Досшойноль бышь шому , чтобѣ Эшны нупрѣ го-
рящій

Погаснулѣ , и умолкѣ звукѣ съ сѣрою кипящій ,
Для удовольствія ученыхѣ лишь людей ,
Что лубопышпствуюшѣ знашь силу дѣйспвій въ ней ?
Чтобѣ естество свое вода перемѣнила ,
Или бы воздуха перемѣнилась сила ,
Лишь шолько для шого , чтобѣ праведный Вефелѣ
Свободнѣ въ себѣ дыханіе имѣль ?
Чтобѣ въ шрусѣ земной горы дрожащая вершина ,
Прошивѣ правѣ шяжести и естесшва и чина ,
Паденье и ударѣ сдержала съ звукомѣ свой ,
За шѣмѣ , что близѣ горы шы пупь имѣешь той ?
Чтобѣ въ храмѣ зыблющемѣ , согнившемѣ , слабомѣ ,
спаромѣ ,
Которой ужъ давно грозишѣ своимѣ ударомѣ ,
Могли шолбы свое паденье удержашѣ ,
Пока во оной храмѣ не придетѣ Шаршрій шашѣ .

Сей мірѣ полезнѣйшій продержкимѣ и злонрав-
нымѣ

Ты почишаешь бышь опшвсюду неисправнымѣ :
Представимѣ лучшій мірѣ , пусть будетѣ онѣ шакоевѣ ,
Храмѣ праведныхѣ людей и Божескихѣ рабовѣ ;
Но праведные тѣ опредѣлятѣ ли шочно ,
Что истинна , что ложь , что зло , что непорочно ?
Пусть праведныхѣ людей за добрыя дѣла
Создашель сохранишь печешся Самѣ опѣ зла ;
Но кино , кромѣ Творца , о шомѣ шебя увѣришь ,
Кино правдою живешѣ , кшо льститѣ и лицемѣришь ?

Святаго Духа полнѣ своимъ мнился Кальвинѣ,
Другимъ онѣ адской сынѣ, наперсникѣ сапанинѣ;
Хошя бы вѣ небѣ онѣ благѣ вѣчныхѣ наслаждался,
Хошя адскимъ бы огнемъ вѣ опшщенье пожигался,
Всегдабѣ его одни за Ангела почли,
Другиебѣ слѣду вѣ немѣ доброты не нашли.
Что шѣмѣ вѣ примѣрѣ, другимъ кѣ соблазну есть
причина;

Не можешѣ нравиться всѣмѣ вѣ свѣтѣ вещь едина.
Когда же бы всякѣ свой соспавѣ вещей имѣлѣ,
Весь свѣтѣ бы былѣ ничто, какѣ мѣсто ссорныхѣ
дѣлѣ.

Иль мужу и женѣ бышѣ кажется прилично,
Имѣшѣ во всѣхѣ вещахѣ сложение различно?
И само по, что всѣ превыше прочихѣ чшущѣ,
Не можешѣ правиться всѣмѣ равно ни опшюдѣ.
Что добродѣтелямѣ даешѣ швоимѣ награду,
Приносишѣ за мои заслуги мнѣ досаду.
Во свѣтѣ все добро, и я на то склонюсь,
Что свѣтѣ для Кесаря весь созданѣ, признаюсь;
Но купно Типу шажѣ построена вселенна:
Кшождѣ щаспливѣй изѣ нихѣ? чѣя больше жизнь бла-
женна?

Тоголь, что опчество шيرانски ушѣснялѣ?
Или шого, что день поперяннымѣ считалѣ,
Вѣ кой никому добра не дѣлалѣ изѣ народа?
За что ушѣхою былѣ названѣ смершныхѣ рода.
Но много разѣ честной и доброй человекѣ
Бываетѣ принужденѣ скончашѣ свой гладомѣ вѣкѣ;
А грѣшной между шѣмѣ опѣ роскошей полспѣшетѣ,
Чтождѣ слѣдуетѣ? во мзду заслуга хлѣбѣ имѣешѣ?
Но пицу доспашошѣ и злые завсегда,
За шѣмѣ, что пица плодѣ единаго шруда;
И подлый доспашетѣ чрезѣ земледѣльство хлѣбы,
Иль мореплаваньемѣ находишѣ всѣ пошребы,
Гдѣ буйство за корышшѣ и за ширанныхѣ власть
Сражаешѣ, вдаясь во всякую напашшѣ.
Мужѣ доброй вѣ слабости бышѣ можешѣ безѣ за-
бошы,
Кѣ богатствамѣ нѣшу вѣ немѣ ни малыя ошоны;

Спокойствіе души и мыслей тишина ;
 Желаніе его и радость лишь одна.
 Но пусть богатствомъ онъ обилуетъ довольно ,
 Ужель того твоимъ желаньямъ будешь полно ?
 Никакъ ; но можешь ты и паки спросить :
 Не долженъ ли честной мужъ здравъ и силенъ
 Быть ?

Пускай : даю ему всѣ выгоды земныя ,
 Духъ крѣпкой , здравіе , сокровища драгія ;
 Но ты бы и тогда опять меня спросилъ :
 Почто ему Творецъ предѣлы положилъ ?
 Почто онъ не въ чести ? почто онъ не прослав-
 ленъ ?

Почто на высотѣ престола не поставленъ ?
 Но что ты временныхъ лишь пребудешь благихъ ;
 Почто не ищешь ты благъ вѣчныхъ вмѣсто ихъ ?
 Ты лучшебъ спрашивалъ : почто съ начала вѣка
 Безсмертнымъ не создалъ Богъ Богомъ человека ?
 Или бы вопрошалъ : почто земной юдолъ
 Не въ небо превращенъ и Вышняго престолъ ?
 Такіе кто плещетъ вопросы безразсудно ,
 Тому понявъ весьма своимъ разсудкомъ прудно ,
 Что Богъ довольно всѣмъ ссылаешъ благодать ,
 За шѣмъ , что можешъ Онъ гораздо больше дать .
 Господь въ могуществѣ великъ , безмѣренъ , вѣченъ .
 Какъ будешь и вопросъ твой сполькожъ безконеч-
 ченъ ,

То не дождешься намъ желаньямъ конца ,
 Коль много ни данобъ намъ было отъ Творца .
 Награда добрыхъ дѣлъ въ спокойствіи душевномъ ,
 И мыслей состоитъ веселія вседневномъ .
 Ничто , кромѣ заслугъ , не можешъ даровать
 Толь драгоценной мзды , ниже назадъ отнять .
 Коль хочешь , выдумай ты лучшую награду ,
 Чтобы была милѣй честнаго мужа взгляду ;
 Имѣющимъ въ себѣ смиренномудрой духъ ,
 Съ шестью конями дай великолѣпной цугъ ;
 Не зрящимъ на лицо , но судъ хранящимъ правый ,
 Вручи въ возмездіе воинскій мечъ кровавый ;

На вѣру любящихъ и бѣгающихъ лжи ,
Архіерейскую пы мшпру возложи ;
Хранящаго покой всеобщій гражданина
Почти величешвомъ Владѣльческаго чина ,
Котораго всегда величественной видѣ
Не приобыкшіи духъ его весьма спрашатъ ;
Но добродѣтельнымъ поль свѣтлыя награды
Не много придають веселья и опрады.
Опрадъ не придають , еще и порпятъ ихъ !
Примѣровъ видѣль свѣтъ довольно ужь такихъ ,
Что мужи , коимъ всякъ во младости дивился ,
И добродѣтелями ихъ славными хвалился ,
Вышереченныя принявъ подѣ спароситъ мзды ,
Безумьемъ всѣхъ заслугъ ушрашили плоды.

Разсмотримъ , могутъ ли кому нибудь иному ,
Какъ только доброму лишь мужу и честному ,
Спокойство внутренне богатства утвердишь ,
И у другихъ людей любимымъ учинишь .
Судей подкупишь всякъ , кто ихъ даритъ богато ;
Почтенья и любви не лъзя купишь за злою .
Безумно думаешь такъ , чтобъ нравовъ мужъ чест-
ныхъ ,
Родъ смертныхъ любящій , любимый отъ другихъ ,
Которой здравъ душой , здравъ разумомъ и шѣломъ ,
И совѣсти худымъ не опорочилъ дѣломъ ;
Такой мужъ Господу чтобъ ненависненъ былъ ,
За шѣмъ , что Богъ его богатствомъ не снабдилъ .
Честь не раждается отъ счастья никакая .
Долгъ честно отправляя , въ томъ наша честь пря-
мая .

По счастью мало въ насъ между собой опмѣнъ :
Всѣ равно бѣдны мы , и равно всякъ блаженъ .
Одеждою одинъ гордится златошканной ,
Другой красуется и ризою раздранной ;
Кожевникъ кажетъ всѣмъ ременной поясъ свой ,
А попъ любитъся и рясы широшой ;
Монахи клобукомъ гордяща всепочпленнымъ ,
Цари своимъ вѣнцемъ прекрасно испещреннымъ .

Но спросишь: есть ли разнь въ чемъ большая дру-
гомъ,

Какая межъ вѣицемъ и чернымъ клобукомъ?

Да, правда, что глупецъ съ разумнымъ челоуѣ-
комъ

Въ различіи весьма находишься далекомъ.

Монарха въ маншіи монашеской предсавъ,

И съ блинникомъ пона упившагося въявь;

Увидишь, что чинишь заслуга лишь великимъ,

А недосапнокъ шой безславнымъ, подлымъ, ди-
кимъ.

Ничѣмъ не разнятся между собой они,

Какъ черезъ вѣшнія одежды лишь одни.

Чинъ, шишулъ, чесни знакъ, Царь можетъ дать
удобно;

Царь — временникъ его по сдѣлаетъ способно.

Твой родъ за тысячу пусь происходитъ лѣшь,

И ошъ Лукреціи начало пусь ведетъ;

Но изъ шолликаго прапрадѣдовъ народу

Лишь шѣми шы свою показывай породу,

Которые въ себѣ имѣли бодрой духъ,

И удивили свѣтъ величешвомъ заслугъ.

Когдажъ швой будешъ родъ старинной, но безслав-
ной,

Недобродѣшельной, бездѣльной и злонравной:

То хонъ бы онъ еще пошопа прежде жилъ,

Но лучше умолчашъ, что онъ весь подлой былъ,

И не внушашъ другимъ, что чрезъ шолико время

Заслугъ швое ошнюдь не показало племя.

Кшо самъ безуменъ, подлъ и въ лѣншпи живешъ,

Того не красишь родъ, хошябъ Говардъ былъ дѣдъ.

Теперь великось мы разсмотримъ здѣсь при-
лѣжно;

Лѣзяль имя приписать ея кому надежно?

Ты скажешъ, что великъ Минисперъ и Герой;

Герои слабосли подвержены одной.

Безуменъ Александръ, востока побѣдитель,

Безуменъ въ сѣверѣ спокойствія рушитель.

Всего ихъ жиіія конецъ лишь только потъ ,
Бышь всѣмъ поспылыми , весь мучишь смертныхъ
родъ ;

На прежніе слѣды ни мало не взирающъ ,
Но далѣе свой пушь кровавый проснирающъ .
Однако ничего впередъ не могушь знашь ;
И въ видимыхъ свой умъ пекушя оказашъ .
Но и Министра я не предпочну Герою ,
Коль бы ни силенъ былъ онъ смысла оспрошою :
Онъ остороженъ , хитръ , имѣешъ тайной пушь ;
И ищешъ невзначай другаго обманушь .
Чшожъ ? или мудросши его причешъ по можно ,
Тѣхъ слабосши , что всѣ чиняшъ неоспорочно ?
Но пушь во всемъ Министръ удаченъ и Герой ;
Обманываешъ потъ , собираешъ дань другой ;
Льзяль одного назвашъ великимъ за обманы ,
Другога за разбой , за кровь , обиды , раны ?
Премудросшь одного и разумъ со грѣхомъ ,
Съ свирѣпшвомъ мужество и съ варваршвомъ въ
другомъ ,

Далеко отстояшъ отъ подлинныя чесши ,
И отъ премудросши , не знающія лесши .
Кшо можешъ чрезъ одни дозволенны пущи
Похвальной вымыселъ къ успѣху привести ;
Того льзя подлинно назвашъ великимъ , славнымъ ,
Хошь Антониномъ бы онъ сдѣлался державнымъ ,
Хотябъ въ изгнаніи и узахъ былъ спѣсненъ ,
Хошь тѣмъ же бѣ съ Сокрашомъ былъ ядомъ умо-
ренъ .

Разсудимъ нынѣ мы , что слава съ похвалою ?
Мечпа , кошора жизнь имѣешъ не собою ;
Она живешъ въ другихъ , и ршомъ чужимъ ды-
шашъ ;

Чужимъ , а не своимъ языкомъ говоритъ ;
До насъ не надлежишь , живыхъ не усаждаешъ ;
Смерть пользоваться намъ плодомъ ея мѣшаешъ .
Пушь идетъ про себя и Цицерона слухъ ;
Пушь славы рогъ гремишь величешво заслугъ ;

Что нужды въ помѣ шебѣ, что нужды Цицерону,
Когда шоль сладкаго не слышите вы звону?
Кошору слышимъ мы часть похвалы своей,
Въ немногомъ кончится она числѣ людей,
А имянно, въ друзьяхъ намъ искреннихъ и вѣр-
ныхъ,
И въ непріятеляхъ, льстецахъ и лицемѣрныхъ.
Для прочихъ, хощь живой, хощь мершвой, все
равно;
Евгеній съ Цесаремъ, мечпаніе одно;
Хощя не знашенъ онъ, хощя въ высокомъ чинѣ,
Хощь здѣсь, хощь тамъ живешъ, хощь мершвъ, хощь
живъ и нынѣ.

Чѣмъ славенъ мудрый мужъ? совѣномъ и пе-
ромъ.

Чѣмъ славенъ храбрый вождь? начальствія жез-
ломъ.

Но доброй человекъ, честнѣйша тварь Владыки,
Самъ можешъ безъ всего снискашь хвалы шолыки;
Самое похвалы и славы естество,
Изображенное цѣнитъ въ немъ Божество.
Не шажь ли самая творитъ бесмершнымъ слава
И имя сквернаго людей и злаго нрава?
Здѣсь слава дѣлаешъ какъ истинный судья,
Не позволяя въ гробъ класъ мерзоспи сея,
И въ вѣчной погребашъ ея забвенья мракъ.
О! лучшебъ въ нашемъ ша не обращалась зракъ!
Но къ зараженію и язвѣ всѣхъ лежишъ,
Лежишъ сей гнусной шрупъ и мерзкой не по-
крышъ.

Не прочна слава ша, и пагубу наводишъ,
Что не онѣ истинной доброты производишъ;
Кругъ головы она дешаешъ лишь всегда,
Внупръ сердца проникашъ не можешъ никогда.
Я большебъ чувшвовалъ веселья и охоты,
Хвалимъ бышъ часъ одинъ за истинны доброты,
Какъ нежели когда несмысленной народъ
Напрасно славилъ бы меня чрезъ цѣлой годъ.

Маркеллъ въ изгнаніи былъ болѣе веселымъ ,
Какъ Кесарь овладѣвъ насильно Римомъ цѣлымъ .

Какая польза намъ отъ знаній и наукъ ?
Ты можешь по сказать . Скажи , Милордъ , мой другъ ,
Болѣзновашъ познавъ , коль знаемъ мы не много ,
Коль разумнѣе въ насъ низко и убого ;
Яснѣ видѣшь всѣ погрѣшности другихъ ,
Сильнѣ чувствовашъ неправоту дѣлъ своихъ .
Ты хочешь осужденъ всѣхъ трудностей къ рѣ-
шенью ,
И угадающихъ наукъ къ возстановленью ,
И не имѣю и помощника въ трудахъ ;
И кто бы разсужданъ могъ здраво о вещахъ ,
Показывашъ другимъ путь къ истинѣ закрышой ,
И погибающей ужъ бытъ землѣ защитой ?
Боимся всякъ , никто не хочеть пособлять ;
Что скажешь , ни одинъ не можеть по понять .
О коль для насъ сіе печально превосходство !
Коль мудрыя души не сладко благородство
Превыше слабостей себя житейскихъ зрѣшь ,
И въ жизни никакой ушѣхи не имѣшь !

Теперь уже нашъ умъ къ вниманію возбудимъ ,
И всѣхъ сихъ мнимыхъ благъ мы выгоды рассу-
димъ ;
Сравнимъ и мысленнымъ представимъ ихъ очамъ ,
Чтобъ видѣшь , каковы приносятъ пользы намъ .
Какъ за однимъ гонясь , другое опускаемъ ,
Или и оба вдругъ несчастные шеряемъ ,
Какъ не лзя симъ благимъ другъ съ другомъ вмѣ-
стѣ бытъ ,
Но должно по доставъ , другое погубить ;
Какъ спрашимъ мы для нихъ спокойствіе всечасно ,
А часто и въ бѣды вдаемса неопасно .
Когдажъ сіяніе и свѣтлостъ сихъ заразъ
И въ независъ еще ввергающъ часто насъ ,
То внушреними шѣхъ осмошримъ всѣхъ очами ,
Что сими щастіе украсило дарами ;

Увидимъ , можемъ ли себѣ шого желашъ ,
Чтобъ собственную часшъ съ ихъ долей промѣняшъ .
Какъ ешлы знакъ шебѣ прелестенъ Кавалера ,
То Беллія представъ и Умбру для примѣра ;
Какія бѣдшвія принуждены понесшъ
За шоль великую и шоль прелестну честь !
Коль къ злашу и серебру владѣшъ спрасшъ шобою ,
То Грива вобрази въ очахъ съ его женою .
Коль дарованія шебя душевны льсшашъ ,
То умной обрати свой на Балкона взгляды ;
Въ немъ разсужденіе всѣхъ мудрыхъ превышало ,
Но въ свѣтѣ никого бѣднѣ не бывало .
Какъ ешлы именамъ дивимся громкимъ мы ,
То обратимъ свои на Кромвеля умы ,
Въ месшъ беззаконныхъ дѣлъ онъ преданъ славъ
вѣчной ,

И осужденъ къ хулѣ и кляшвѣ безконечной .
Но ежели всѣхъ вдругъ желаемъ мнимыхъ благъ ,
Прочтемъ исторію о древнихъ временахъ :
Она научишъ насъ ихъ сладосшью гнушашся ,
И бѣгашъ какъ огня , какъ яда опшрацашся ;
Покажетъ , что серебро , великосшъ , слава , санъ ,
Не щасшье , но одна лишь прелестъ и обманъ .
Или щасшливыми намъ шѣхъ почесшъ возможно ,
Что сердцемъ злобшвуя , усшями льсшя безбожно ,
Пришли въ любовь Царей , или Царицъ своихъ ,
Чтобъ ласкою закрышъ коварсшва въ гибель ихъ ?
Коль на безсовѣстныхъ дѣлахъ и богомерзкихъ
Сшощъ утверждена чесшъ сихъ людей продер-
скихъ !

Подобны кажущся Венеціи онъ ,
Что съ низкихъ взнесшсь блашъ , спощъ на вы-
шинѣ ;

Ея шоль грѣхъ великъ , коль громко имя славы ,
И человѣчески Геройшвомъ шрашишъ нравы ;
Гордится , на главѣ вѣнецъ нося своей ,
Сплешенный лаврами кругомъ Европы всей ,
Но обагреными иль кровію чужою ,
Или добышыми великою цѣною .

Увидишь наконецъ сей славный шоль народъ
 Иль обезсилѣвшимъ опъ тяжести работъ,
 Или опдавшимся весь роскошамъ прелестнымъ,
 Иль опороченнымъ грабленіемъ безчестнымъ,
 Коль вы нещасливы! коль бѣдны богачи,
 Когда безславія темиѣше въ ночи!
 Когда сокровища въ хранилищахъ обильны
 Безчестья опшрашивъ опъ васъ никакъ не сильны!
 Какоежъ щасіе бѣгъ кончивъ ихъ жищья?
 Спесивая жена и милые друзья
 Вънурь съ шумомъ, съ шопошомъ и всякимъ безпо-
 койствомъ,
 Хотя мяшущъ весь домъ, прославленный Герой-
 ствомъ,
 Приготовленьями уборовъ и пировъ
 Смущающъ сладкой сонъ и бѣганьемъ рабовъ.
 О! блескомъ ихъ себя полденнымъ вы не льстите;
 Но съ ушромъ сей ихъ свѣтъ и съ вечеромъ срав-
 ните;
 Вся слава ихъ ничпо, какъ сонъ лишь и мечта;
 Ихъ честь ругашельство, позоръ и срамота.

Познайше истинну сію, о человекѣ!
 И будыше ея всѣ довольны вы вовѣки,
 Чшо щасіе ни въ чемъ не состоишъ другомъ,
 Какъ въ добродѣтели и жищя честномъ.
 Она насъ къ швердому ведешъ едина щасіемъ,
 И въ ней лишь вкусъ добра, не смѣшанный съ на-
 пасіемъ.

Одна достойныя даешъ заслугамъ мзды
 И пошпоянныя награды за шруды.
 Не меньше милостью живущихъ ушладаетъ,
 Какъ благодѣтелей самихъ увеселяетъ;
 Веселіямъ ея другихъ подобныхъ нѣшъ,
 Когда все по ея желанію и дешъ.
 Но хощъ желанія еябъ не успѣвали,
 Не производяшъ въ ней великія печали.
 Хотя она всегда довольшвуется всѣмъ,
 Но ни гнушаеця, ни брезгуешъ ничѣмъ;

Въ чемъ болѣе она скудна, тѣмъ больше сына,
И скудость ей сама отъ скудости защища.
Весьма пріятнѣе попоки горькихъ слезъ,
Изъ добродѣтельныхъ текущіе очесъ,
Чѣмъ глупый смѣхъ людей нечувственно безбож-
ныхъ,
Что производилъ въ нихъ отъ услажденій лож-
ныхъ.

Разсыпано ея добро по всѣмъ вещамъ,
Находитъ счастье свое по всѣмъ мѣстамъ;
Не устаетъ, хотя всегда она трудится,
И злоключеніемъ друга не гордится;
Ни счастьемъ другихъ не падаетъ она,
Всегда сама себѣ подобна и равна.
Нѣтъ нужды ей ни въ чемъ, ни въ чемъ нѣтъ не-
достатку,

Всегда довольна всѣмъ безъ всякаго упадку.
Сверхъ добродѣтели, еще другихъ хощетъ,
Есть то же самое, что ужь давно имѣетъ.
То можетъ счастьемъ едино лишь назваться,
Что можетъ всякому отъ вышней Власти даваться,
Намъ должно для того объ ономъ разсужданъ,
Чтобъ наконецъ его дѣйствительно узнать,
И сладостью его для той причины льститься,
Чтобы дѣйствительно имъ послѣ насладиться.
Злой нищъ среди богатствъ, и слѣтъ, хоть Фило-
софъ;

Не можетъ до него достигнуть въ вѣкъ плодовъ;
Но доброй безъ труда до счастья достигаетъ;
Онъ умъ свой къ мнѣніямъ чужимъ не прилп-
ляетъ;

Учитель самъ себѣ; слѣдами естества
Доходитъ до его начала Божества.
Онъ держится сего союза безпреспанно,
Что вяжетъ весь составъ вселенной несказанно,
Которой швердъ небесъ съ землей соединилъ,
Сопрягши съ смертными Владыку вышнихъ силъ.
Онъ видитъ, что такимъ союзомъ неразлучнымъ,
Не лзя бытъ никому изъ насъ благополучнымъ,

Когда бы не было неравенствъ никакихъ ,
И не было бы иныхъ вверху , внизу другихъ ;
Онъ училъ , что союзъ всей твари непрерывной
Одинъ души конецъ верховной и предивной ;
Что вѣры и всѣхъ дѣлъ начало и конецъ
Есть — Бога и людей любить отъ всѣхъ сердецъ.

Надежда съ добрыми людьми всечасно ходилъ ,
Товарищъ искренній , отъ мѣста къ мѣсту во-
дилъ ,

И отъ часу на часъ пускаетъ на него
Пріятные лучи сіянья своего ;
Покаместъ съ твердою соединившись вѣрой ,
И не довольствуясь предѣлами и мѣрой ,
Избыткомъ всѣхъ своихъ даровъ его снабдилъ ,
И всѣмъ желаніямъ конецъ пошановилъ .
Онъ знаетъ , для чего влила въ сердца народа
Надежду щастія извѣстнаго природа ,
И вѣра для чего оставила въ сердцахъ
Надежду чаемыхъ , но неизвѣстныхъ благъ .
Природа прочимъ по одно дала живошнымъ ,
Чтобъ къ настоящему добру лишь быль охот-
нымъ ,

И имъ позволила все по избрѣшашъ ,
Чего ни захотѣли они себѣ сыскашъ ;
Но наше щастіе отъ ихъ весьма ошмѣно ;
Нашъ даръ дороже ихъ и лучше несравненно .
Надежда правая и естество не лгушъ ,
По мѣрѣ добрыхъ дѣлъ и щастіе даюшъ .
Они нашъ истинной судья и благодѣтель ,
Часть большую даюшъ за большу добродѣтель ;
Всечасно щастія блестящій лучъ вдали
Намъ кажушъ , и веляшъ , чтобы къ нему мы
шли .

И такъ любовь къ себѣ и къ ближнему и къ
Богу ,
Соединясь въ одно , являютъ намъ дорогу ,

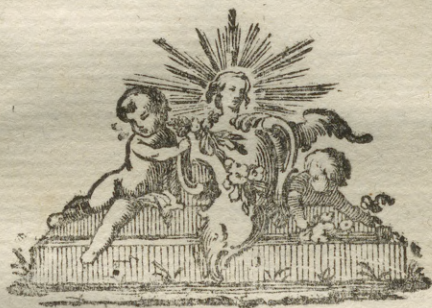
Какъ въ щастьи ближняго свое избрѣсти,
И охраняючи другихъ, себя спасши.
Но ешьли шакъ великъ швой духъ и благо-
денъ,

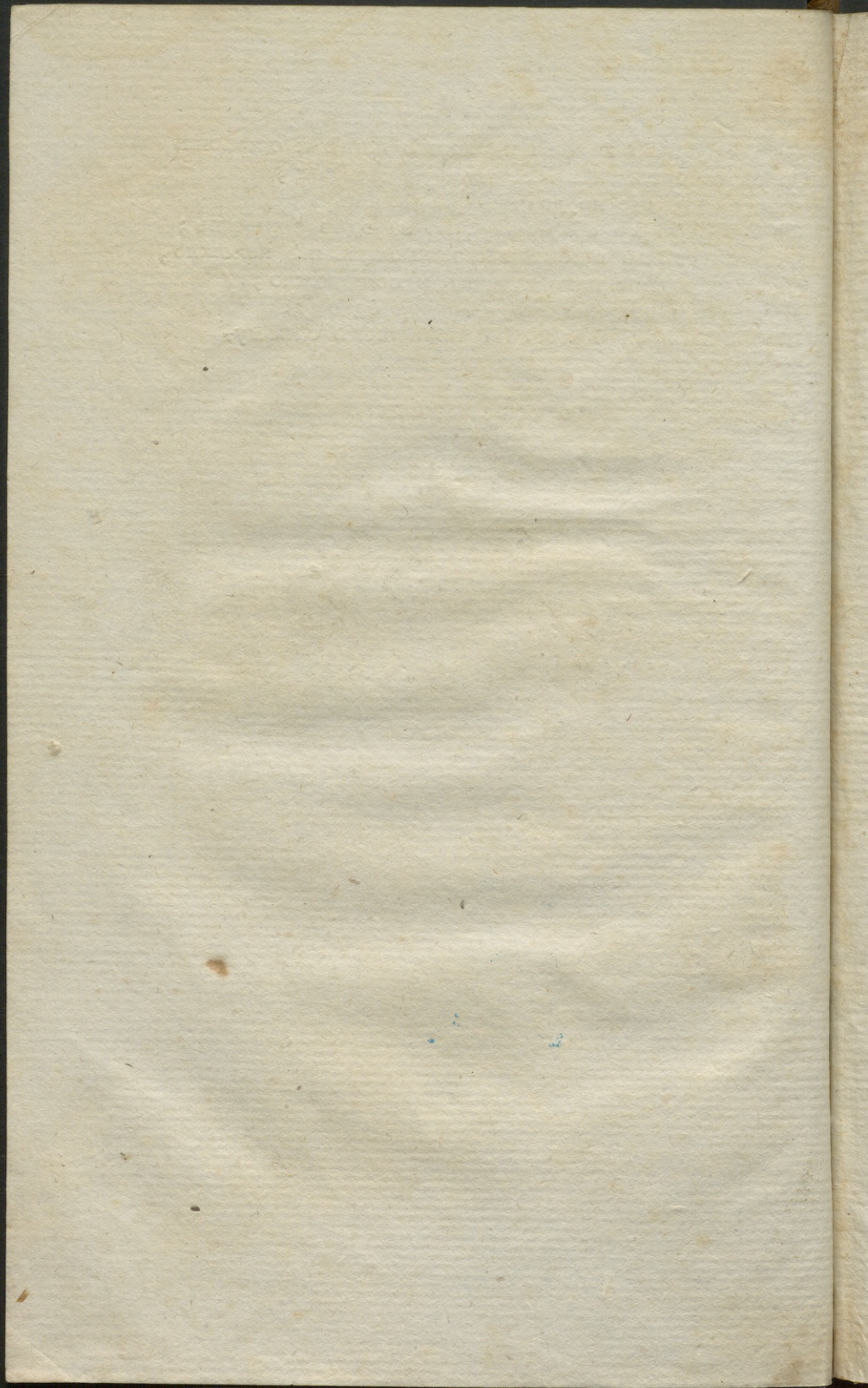
Что шѣсной сей союзъ любви тебѣ не сроденъ,
То на враговъ свою любовь разпространи,
И гнѣвъ отмщенія на милость премѣни,
И сдѣлай изъ людей, звѣрей и всѣхъ созданій,
Изъ всей вселенной храмъ однихъ благодѣній.
Чѣмъ благороднѣе ты будешь для другихъ,
Тѣмъ будешь щастливѣй для склонностей своихъ.
Великостъ щастія, покоя и блаженства
Зависитъ отъ любви нелестной совершенства.
Любовь, котору къ намъ имѣетъ вышній Царь,
Начавшись отъ всего, на каждую льется шварь;
Но человѣческа любовь въ частяхъ родится,
Пошомъ и до всего созданія спремится.
Любовь къ самимъ себѣ дана на шомъ конецъ,
Чтобъ возбуждать людей незлобивыхъ сердецъ.
Какъ камень въ шихую и крошкую погоду,
Поверженъ будучи въ недвижимую воду,
Раждаетъ малой кругъ въ шомъ мѣстѣ, гдѣ упалъ,
Которой разходясь, растетъ въ великой валь,
Просшранство своея средины умножаетъ,
И отъ часу на часъ окружность расширяетъ:
Такъ благородный мужъ сперва опца и машъ
И ближняго въ любви печетъ содержать;
Пошомъ и опчества дражайшаго жалуетъ,
И смершнихъ наконецъ весь родъ въ лкбви имѣетъ;
И разливаючисъ сей жаръ повсюду вдругъ,
Объемлетъ всяку шварь, что сей содержитъ кругъ.
Смѣтеша и земля, плодами испеспрившись,
И вся щедрошю его обогатившись;
Чѣмъ благодарности ему являетъ знакъ,
И небо въ ложеснахъ земныхъ свой видитъ знакъ.

Посшупимъ вдаль, Милордъ, мой другъ и благо-
дѣшель,
Сшиховъ моихъ и мой любитель и свидѣтель!

Покаместъ снизхожу сердце въ глубину,
Чтобъ дѣйствій тайную примѣтить ихъ вину,
И даки съ низкихъ въ верхъ спрастей я возвыщаюсь,
И къ благородному концу ихъ усремляюсь:
Ты научи меня себѣ въ томъ подражать,
Чтобъ въ понюсъ еспешива могъ разности узнать,
И чтобы съ честью какъ съ низу могъ спускашься,
Такъ зналъ умѣренно и къ верху поднимаешься;
Чтобъ изъ швоихъ бесѣдъ я научишься могъ,
Шушливъ бытъ съ важностью, и съ нѣжностію спрогъ,
Вишій, но безъ прикрасъ, исправенъ и прилѣженъ,
Разсуденъ въ вымыслахъ, и къ угожденью нѣженъ.
О! можноть за швоимъ великимъ кораблемъ,
Благополучныхъ дней въ проспранномъ морѣ семъ,
На полныхъ парусахъ спокойствія лепящимъ,
И купно честью и славою шумящимъ,
Послѣдовать и мнѣ въ шоль малой ладѣ,
И за шбой имѣшь печеніе свое?
Во слѣдѣ швоихъ шоржествъ преславныхъ усремись,
И въшровъ скорости шаспливыхъ соравнишься?
Когда шѣла Царей и знашныхъ шѣхъ особъ,
Что недруги тебѣ, во мрачной сойдущъ гробъ,
Какъ дѣши ихъ съ спыда смушяшся и со скуки,
Что недруговъ швоихъ они нешасшны внуки!
Дойдетъ ли чрезъ мои стихи пошомкамъ въ слухъ,
Что шы мнѣ въ жизни вождъ, учитель былъ и другъ,
Что побужденъ шбой, пустой звонъ словъ ошпавиль,И къ испышанію вещей свой умъ направиль;
Ошъ вображенія и бредней лишь пустыхъ
Сшшилъ къ познанію разумныхъ силъ своихъ;
Что въ ложныхъ мнѣніяхъ изобличилъ народы,
И шайны имъ ошкрылъ закрышыя природы;
И гордымъ показалъ, что весь изряденъ свѣшъ,
И что въ немъ ничего ошнюдь худова нѣшъ;

Что на одинъ конецъ и разумъ нашъ и страши
Даны онъ вышнiя всеспроящiя Власи ;
Что самолюбiе не должно раздбляшь
Съ любовью къ обществу , но за одно счищать ;
Что въ свѣтѣ щасливы одни лишь тѣ неложно ,
Что добродѣтельно живущъ и осторожно ;
И что мы должны всѣ учиться одному ,
Чтобъ каждой былъ себѣ извѣстенъ самому .

О Г Л А В Л Е Н І Е

Стран.

Письмо первое, о естествоѣ и соспоянїи человѣка въ разсужденїи всея все- ленныя. - - - - -	11
Письмо второе, о естествоѣ и соспоянїи человѣка въ разсужденїи самого себя особливо. - - - - -	27
Письмо третье, о естествоѣ и соспоянїи человѣка въ разсужденїи общесства. -	41
Письмо четвертое, о естествоѣ и соспо- янїи человѣка въ разсужденїи перваго благополучїя. - - - - -	57

4
783

О Г Л А В Л Е Н

Письмо первое, о естествомъ и о
человѣка въ разсужденіи
ленныя.

Письмо второе, о естествомъ и о
человѣка въ разсужденіи са
особливо.

Письмо третье, о естествомъ и о
человѣка въ разсужденіи об

Письмо четвертое, о естествомъ
ни человѣка въ разсужденіи
благополучія.

4
283

1873

1

2

3

4

5

1873

50-7-09

00-99

W. H. ... 1-00 ... 1896 ...

[Faint, illegible handwriting]

